

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ ЛИНКОЛЬН

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

Гении власти

Борис Тененбаум

**Великий Линкольн.
«Вылечить раны нации»**

«Яуза»

2012

Тененбаум Б.

Великий Линкольн. «Вылечить раны нации» / Б. Тененбаум — «Яуза», 2012 — (Гении власти)

Казалось бы, среди американских президентов не было менее подходящего, чем АБРАХАМ ЛИНКОЛЬН, – единственный из хозяев Белого дома, чье формальное образование ограничивалось годом в начальной школе, а политическая карьера до выдвижения на высший пост – одним сроком в Конгрессе (неудачно) и двумя кампаниями за место в Сенате (проиграл оба раза). В президенты его избрали лишь потому, что полдюжины куда более заслуженных государственных мужей блокировали номинацию друг друга. Линкольн принял власть, не имея ни малейшего административного опыта, во главе правительства, состоявшего из его бывших соперников, да еще и в момент острейшего политического кризиса, переросшего в Гражданскую войну, самую жестокую и кровавую в американской истории. Казалось, 16-й президент просто обречен на провал, бесчестие и забвение – но он совершил невозможное: сумел подчинить себе коллег, создав работоспособную администрацию, мобилизовал невиданных размеров армию и, несмотря на нескончаемую череду бед, неудач и поражений, выиграл войну Севера против Юга, не только сохранив единство страны, но и проведя ее глубокую трансформацию, отменив рабство, заложив основы грядущего величия США. И был убит заговорщиком в момент своего наивысшего торжества, на пике политической карьеры, в зените славы, после переизбрания на второй президентский срок и клятвы «ВЫЛЕЧИТЬ РАНЫ НАЦИИ». Новая книга от автора бестселлеров «Великий Черчилль» и «Великий Наполеон» посвящена американскому ГЕНИЮ ВЛАСТИ, чье имя вошло в пантеон величайших президентов, а облик увековечен не только на 5-долларовых купюрах, но и в мраморе вашингтонского Мемориала и граните горы Рашмор, рядом с Отцами-Основателями США.

© Тененбаум Б., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Пролог	6
Жизнь на западных границах	9
Деревенский паренек в поисках заработка	13
Молодой человек с определенными перспективами	18
Эйб Линкольн, респектабельный гражданин Спрингфилда	24
Война мистера Полка и связанные с ней неудачи	27
Один из трех лучших юристов Иллинойса	31
Стивен Дуглас как государственный деятель	35
Рождение новой партии	39
Выборы как метод ведения войны	44
Дом, разделившийся сам в себе...	49
О том, что можно сделать словом	53
Номинация	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Борис Тененбаум Великий Линкольн. «Вылечить раны нации»

Пролог

I

Граф Николай Петрович Румянцев был человеком занятым. Он был и меценат, и лекционер, и страстный сторонник развития российского мореплавания, и служил российским государям и по военной, и по гражданской части – был, например, «министром хлеба и земель». Такое вот экзотическое название было у должности, которую он занимал с 1802 года, и включала она в себя обязанности многочисленные и разнообразные, связанные в основном с усовершенствованием методов земледелия в России.

Но потом он переключился на дела иностранные, сперва возглавив соответствующее министерство, потом стал заместителем председателя Государственного совета, а в 1809-м был и вовсе пожалован в канцлеры Российской империи. А надо сказать, что в России государственный канцлер был высшим из гражданских чинов и по табели о рангах 1722 года соответствовал генерал-фельдмаршалу. В общем, кроме самого царя Александра, в делах правления не было в империи человека, равного ему по статусу, а уж иностранными делами он занимался с особенным тщанием. Его, собственно, и подняли-то так высоко, потому что был он убежденным франкофилом, сторонником союза с Наполеоном, и из всех иноземных послов, аккредитованных в Петербурге, наибольшее внимание уделял послу Франции.

Вообще-то – немудрено. И Россия, и Франция были мощнейшими государствами континентальной Европы, с населением, числом превышающим сорок миллионов подданных, с армиями в сотни тысяч солдат – по сравнению с ними все прочие выглядели просто державами второго ранга. Была, конечно, еще и Англия, но про нее вообще следовало бы говорить отдельно...

А пока что граф Николай Петрович занимался многотрудными своими обязанностями и изо всех сил пытался сохранить союз между двумя могучими империями, и с послом Франции беседовал охотно и часто, а прочими в известной мере пренебрегал.

Впрочем, в числе дипломатов, с которыми граф все-таки вел длинные и основательные беседы, был и посол куда более скромной державы, чем Французская империя, и звали его Джон Квинзи Адамс. С 1809 года он представлял в Петербурге Соединенные Штаты Америки. Что сказать? Это было более чем странное образование. Начать можно с того, что это была, как-никак, Республика. Эта форма правления к 1809 году вышла в Европе из моды, и до такой степени, что во Французской империи о ней было велено вообще ничего не писать, дабы *«не пробуждать тягостных воспоминаний...»*. Далее – эта Республика именovala себя Союзом, но состояла из весьма автономных штатов, или, другими словами – государств, каждое из которых очень настаивало на своих собственных правах и законах. Роль центральной власти поначалу была ограничена до того, что в 1785 году, уже после достижения независимости от Великобритании, последний корабль военно-морского флота Союза был продан, а армия была ограничена так называемым «1-м американским полком», численностью в 700 человек[1]. Положим, к 1809 году эта численность увеличилась до семи с половиной тысяч, и центральная власть все-таки получила от штатов кое-какие полномочия – но, тем не менее, Соединенные Штаты

Америки представляли собой некую шаткую конструкцию из полутора дюжин разных государственных образований, с общим населением чуть побольше 7 миллионов человек и с совершенно ничтожными военными силами.

Так чего же ради канцлер могущественной Российской империи проявлял интерес к американскому послу?

II

Ну, интерес-то у него был, и при этом, можно сказать, серьезный и многофакторный. Во-первых, и самое главное – интерес состоял в торговле. Союз с Наполеоном покоился на неременном условии отказа от торговли с Англией. Однако главным покупателем российских товаров, вроде зерна, леса и чугуна, служила как раз Англия – и в результате «...*неуклонно проводимой в жизнь континентальной блокады...*» курс русского рубля упал до 26 копеек. И как-то сама собой возникала мысль, что хорошо бы эту блокаду проводить в жизнь не столь неуклонно. Конечно, английским кораблям доступ в русские гавани закрыт, но американцам-то заходить в них можно, не так ли?

И они могут купить и зерно, и сало, и чугун, а если лес им вроде бы без надобности, потому что лесов в Америке сколько угодно – так ведь купленный в России лес вовсе не обязательно везти в Америку? Его ведь можно не без выгоды продать где-нибудь поближе, например, в той же Англии? Да и из Англии можно привезти что-нибудь нужное в России, и при этом никакое эмбарго нарушено не будет – ну, так, разве что слегка поменять документы на ввозимый груз и немножко пересмотреть маркировку товаров?

Теоретически американские суда, приходившие в русские порты, не имели права привозить английские товары и даже предварительно заходить в порты Англии – так полагалось по условиям, подписанным царем в Тильзите. Но, конечно, на самом деле на такие вещи смотрели сквозь пальцы, и было вовсе не трудно создать правдоподобный «бумажный пейзаж» в глазах русской таможни, которая до истинного происхождения привозимых товаров особо не доискивалась.

В общем, тут было о чем поговорить – сохранение русского «...*права на торговлю с нейтралами...*» быстро становилось центральным пунктом разногласий между Россией и Францией, а под нейтралами понимались, конечно же, американцы.

Но граф Николай Петрович был, как мы уже и говорили, человеком широких интересов, и он не ограничивал себя узкой прагматикой. И его, как бывшего министра, ответственного за улучшение земледелия, сильно интересовал вопрос доходности земли. Вопрос был не праздный. Сила державы мерилась не только армией, огромную роль играли и количество населения, и его, так сказать, «качество», которое можно было оценить вполне объективно как сумму налогов, уплачиваемых населением государству.

В этом отношении у российской государственной системы имелись проблемы – если по количеству населения Российская империя с ее 40 миллионами подданных бесспорно занимала первое место, то по «доходности» была примерно равна Австрии, с населением в 22 миллиона и Пруссии с ее 10 миллионами. Вот совершенно конкретные цифры[2] – в год смерти Екатерины Второй, в 1796 году, российский государственный бюджет имел доходов на сумму в 73 миллиона рублей.

Если для удобства сравнения пересчитать тогдашние рубли в тогдашние фунты стерлингов, то мы увидим, что доходы России составляли 11,7 миллиона фунтов, из которых расходы по сбору снижали общую сумму, получаемую казной, до 8,93 миллиона. В Пруссии с населением вчетверо меньше российского государственный доход составлял очень похожую сумму – 8,65 миллиона. Австрия как государство жила на ежегодный доход в 8,75 миллиона фунтов.

Запад Европы был богаче – Франция при населении в 27–28 миллионов собирала налогов на сумму в 19 миллионов фунтов (475 миллионов франков).

Англия была еще «доходнее» – ее казна получала ежегодно 21 миллион фунтов, взимаемых с 15 миллионов подданных.

На податные результаты влияли два фактора: качество административного управления и занятия населения. Если к обычному земледелию добавлялись еще и коммерция, и индустрия, то доходы казны росли. В этом плане огромная Российская империя отставала от своих европейских соседей – на всю державу имелось только два по-настоящему больших города, Петербург и Москва. Так что отечественная коммерция отнюдь не цвела, да и индустрия была не развита и обслуживала главным образом не частные, а казенные надобности, связанные с войском.

Административный аппарат был численно невелик и не очень-то компетентен – специалистов постоянно не хватало. Так вот, графа Румянцева интересовал вопрос – как с этой проблемой справляются в Америке? Там тоже с администрацией дело обстояло не блестяще, – но коммерция процветала, ремесла развивались, и доход на душу населения превышал не только среднеевропейский, но даже и английский.

Посол США, Джон Квинзи Адамс, удовлетворял любознательность своего знатного собеседника как только мог. Он был человек осведомленный – второй президент Соединенных Штатов, Джон Адамс-старший, доводился ему отцом, да и сам он успел послужить своей стране на разных дипломатических должностях в Европе, до тех пор пока третий президент США, Томас Джефферсон, который терпеть не мог второго президента США, Джона Адамса, а уж заодно и его сына, – не отозвал Джона Квинзи Адамса обратно.

На государственную службу он вернулся только по просьбе следующего президента, Д. Мэдисона, назначившего его в 1809 году послом в Россию. Так что, да, действительно, и графу Румянцеву, и послу Адамсу было что обсудить в долгие петербургские вечера, но одного серьезного события, тоже случившегося в 1809 году, они, безусловно, не касались.

В этом году в маленькой хижине, построенной в лесу на скорую руку, в семье бедного фермера Тома Линкольна, родился мальчик, которого в честь деда назвали Авраамом.

Ему предстояло большое будущее.

Примечания

1. Making of Strategy, edited by Murray, Knox, Bernstein, Cambridge University Press, 1994. P. 208.

2. Russia against Napoleon, by Dominic Lieven. P. 33.

Жизнь на западных границах

I

Штат Виргиния начинался как английская колония – отсюда, собственно, и название[1]. Когда началась Война за независимость, Виргиния стала одним из 13 штатов, образовавших первоначальный Союз, – десятым по счету, если считать по дате присоединения, и крупнейшим из всех первых тринадцати. Виргиния вообще долгое время была главным политическим центром страны: из первых четырех президентов трое – Вашингтон, Джефферсон и Мэдисон – были родом из Виргинии. Джон Адамс, отец уже известного нам Джона Квинзи Адамса, был единственным исключением. Восточной границей Виргинии служил океан, на севере и на юге соседями были другие штаты, тоже входившие в Союз, а вот западная граница четких очертаний не имела, ее линия все время менялась.

В разных языках слова, вроде бы обозначающие одно и то же, имеют, тем не менее, разные оттенки. Английское «frontier» на русский переводится как «граница», но по-русски слово близко к чему-то вроде «рубеж», и его надо охранять и отстаивать. В американской версии английского слово «frontier» означает скорее линию разделения того, что известно и освоено, от чего-то совершенно другого, непознанного и неизвестного. И предполагается, что границу эту можно продвигать вперед.

Так вот, западная «*фронтир*» штата Виргиния непрерывно двигалась в сторону расширения, и вскоре за хребтом Аппалачских гор появилось у Виргинии новое графство. Туда потянулись переселенцы в поисках свободных земель, и одной из виргинских семей, двинувшихся на запад, оказались Линкольны. Новую территорию окрестили Кентукки, от индейского названия тамошней реки, а вот насчет значения самого этого названия до сих пор сохраняются разногласия.

По одной из версий, слово означает «*Темная и кровавая территория охоты*».

Если это действительно так, то для семейства Линкольнов место их нового жительства оказалось пророческим – в 1786 году охотничья партия индейцев напала на их ферму. Авраама Линкольна застрелили прямо сразу, а его младшего сына, восьмилетнего Томаса, спас 15-летний старший брат – он успел схватить ружье и выстрелом свалил индейца, который с ножом в руках оказался в двух шагах от мальчишки. Что сказать?! На границе выросли быстро или не выросли вообще...

Как бы то ни было, Томас Линкольн уцелел, подрос и вскоре и сам взялся за труд. Довольно скоро у него в руках оказалось целых три фермы, и он, по идее, должен был считать себя удачливым хозяином. Но ему сильно не повезло, – если в нелегкой фермерской работе он понимал толк, то вот в делах бумажных и юридических не понимал ровно ничего.

Когда Кентукки стал самостоятельным штатом, оказалось, что границы земельных наделов безнадежно перепутаны, заявки на собственность тех или иных участков могут быть оспорены в суде и возделывать землю уже совершенно недостаточно для того, чтобы ею спокойно владеть. В общем, Томас Линкольн совершенно запутался во всякого рода юридических тенетах – и он махнул на все рукой и двинулся дальше на запад, в Индиану.

Это была часть так называемой Северо-Западной территории. Туда еще не добрались ни правительственные землемеры, ни проклятые юристы, и места эти в принципе были открыты для поселения. Теперь здесь проходила новая линия границы – она в очередной раз передвинулась на запад. Томас Линкольн последовал за ней.

II

Он перебрался на новое место осенью 1816 года. В 1816-м Томасу Линкольну было уже 38 лет, он к этому времени обзавелся семьей. У него была жена и двое ребятишек – дочь Сара и младший, Авраам, названный так в честь убитого в Кентукки деда. Семейство Линкольников теоретически принадлежало к так называемым «отделившимся баптистам», которые признавали доктрину баптистской церкви, но толковали ее несколько по-своему. Понятное дело, в пограничье было не до теологических тонкостей, но имена детям выбирали из Ветхого Завета. Отсюда и Сара, и Авраам, – а дядюшку Авраама, того самого брата его отца, который так вовремя добрался до семейного ружья, звали и вовсе Мордехаем. В семье он был известен как дядя Морди, – что на русском звучит немного странно. Но Линкольны русского не знали... Они и вообще мало что знали, кроме суровой науки выживания, – Томас Линкольн не зря пустился в дальний путь именно осенью.

Жену и детей он оставил покуда в Кентукки, а на новом месте первым делом соорудил некий приют – это была маленькая бревенчатая хижина, состоявшая из трех стен и крыши. Места там было как раз на одного – примерно пара квадратных метров, сложить очаг было не из чего, и четвертую стену он не завершил. Вместо этого Томас оставил открытое пространство, в котором разложил костер, не гаснувший ни днем, ни ночью. В этом хлипком убежище предстояло ему провести всю зиму, но и в этом был определенный расчет.

Томасу Линкольну предстояло провести расчистку своего участка под поле – и это следовало сделать к весне, потому что иначе он не успел бы выкорчевать пни и посеять маис.

Ну, он успел. За лето в Индиану перебралось уже все его семейство, помогли соседи – в округе было еще 6–7 ферм, похожих на ту, что завел Томас Линкольн, – и в итоге к зиме 1817-го уже была сложена некая избушка. Комфортом она не отличалась, но по крайней мере у нее было все четыре стены, как и положено в доме, и ее можно было как-то протопить изнутри. Аврааму Линкольну, сыну Томаса, исполнилось уже целых 8 лет – пора было помогать родителям по хозяйству.

К Линкольнам присоединилось и семейство Спарроу – родственники жены Томаса, Нэнси. С ними был их племянник, 18-летний Дэннис Хэнкс, так что рабочих рук прибавилось, и жить стало полегче. Обе семьи питались в то время буквально чем бог послал, но они не голодали – в лесу хватало дичи. Обеды, приготовленные из остатков маисовой муки и из свежей оленины, нельзя было назвать изысканными, но голод они прекрасно утоляли. Даже маленький Авраам Линкольн, и тот внес свой вклад в семейное благополучие – он подстрелил однажды дикую индейку. В общем, жизнь на границе была нелегка, но Линкольны смело смотрели в будущее.

И тут на них свалилось несчастье. В их семейном хозяйстве, к сожалению, были коровы, и паслись они в лесу. Ели они там все, что им попадалось и казалось подходящим, в том числе и так называемый «змеиный корень» (snakeroot). Сейчас считается, что коров поразила бруцеллез, но поселенцы этого ученого слова, конечно, не знали, винили во всем «змеиный корень», беду свою именовали «коровьей болезнью», – а когда смекнули, что от коров она передается и людям, было уже поздно. Началась эпидемия, и в очень короткий срок не стало ни семьи Спарроу (кроме Дэнниса Хэнкса), ни Нэнси Линкольн.

Муж ее остался вдовцом, а дети – сиротами.

III

То, что в Российской Федерации называется «район», в Соединенных Штатах называется «county» – «каунти» – «графство». Так вот, Линкольны жили в графстве Хардин, и это было

уже настолько цивилизованное место, что в городке Элизабетвилль имелась даже тюрьма, а при ней, конечно, имелся и тюремщик, мистер Джонсон. И вот тюремщик этот умер и оставил после себя вдову, по имени Сара Буш Джонсон, да еще и с тремя детьми, – а жить им всем стало не на что. К тому времени, когда Сара Джонсон познакомилась с Томасом Линкольном, он вдовел уже больше года и пришел к выводу, что горе горем, а ему нужна новая жена. В общем, и Сара, и Томас быстро пришли к соглашению: он гасит ее долги, а она переезжает к нему вместе с ребятишками и будет вести все хозяйство их разросшейся семьи.

Первое, что она сделала, добравшись до избушки Томаса Линкольна, – выкупала его детей, с мылом и в горячей воде. По-видимому, это было сделано впервые – по крайней мере, впервые после смерти их матери. Прошло несколько дней – и она заставила мужа настелить в доме полы. До ее прибытия как-то считалось самоочевидным, что утоптанная земля в качестве пола семейству вполне подходит. В общем, в жизни определенно начались улучшения, и, наверное, самым большим из них было то, что она сочла необходимым сделать так, чтобы дети посещали школу. Положим, это было не очень-то продвинутое учебное заведение, и Авраам Линкольн ходил в него не регулярно, а тогда, когда позволяли обстоятельства, – в три приема и в общей сложности не больше года, – но он научился читать, писать и считать.

И к чтению пристрастился так, что читал даже ночью при лучине, – его нельзя было оторвать от книжки. Он даже умудрился разобраться в правописании и в грамматике, – у Линкольников была книга, что-то вроде учебника, которую они привезли вместе с прочим своим скарбом еще из Кентукки. В общем, среди соседей он довольно быстро прослыл «ученым мальцом», потому что уже лет в 13–14 писал для них письма или делал подсчеты, связанные со всякого рода домашними закупками. Бумага в его краях водилась не часто, так что прошло немало времени до того, как он раздобыл себе несколько листов и изготовил из них себе тетрадь – а до этого памятного момента все свои расчеты или упражнения по письму вел углем на обструганных дощечках. Когда они переполнялись записями, он обстругивал их заново. В конце концов родственники решили, что он просто лентяй – все чтение да чтение. По крайней мере, такого мнения на его счет держался Дэннис Хэнкс. Он говорил, что Авраам Линкольн только и делает, что пишет да читает, а как делом заняться, так его и не дозовешься. Одним из дел, делать которое юный Авраам Линкольн совершенно явно избегал, было истребление змей. Он не любил убивать. Даже на охоту не ходил и однажды отругал соседских ребятишек за то, что они насыпали горящих углей в мышь норку.

У него совершенно явно проявлялось желание попробовать другой жизни, не такой, какую он знал, – и лет этак в 16 Авраам Линкольн вздумал заняться коммерцией. Идея его заключалась в том, чтобы продавать дрова, – по реке Огайо уже плавали пароходы, и он рассудил, что им они могут понадобиться. Из предприятия ничего не вышло, но зато выяснилось, что кое-что можно заработать другим путем. Он однажды доставил двух приезжих на их пароход – он довез их в своей лодочке до пристани, помог поднять на палубу их багаж, и в итоге, в награду за свои труды, получил от каждого по монете в полдоллара. Это оказалось своего рода открытием, – оказывается, можно заработать целый доллар, и при этом меньше, чем за день.

Право же, это следовало обдумать. Первым побуждением, конечно, было пойти и наняться на какой-нибудь «пароход, идущий вниз...» – так именовалось общее направление вниз по течению реки Огайо. И поскольку Аврааму Линкольну было неважно, куда именно придет его пароход, а просто хотелось уйти из родительского дома, то решение пойти в речники выглядело подходящим. Но и по закону, и по обычаю молодые люди могли располагать собой только с двадцати одного года, а нарушать законы молодой Линкольн не любил, он все-таки остался дома.

Но весной 1830 года семейство Линкольников переехало само, на этот раз – в Иллинойс. Там уже обосновались их родственники, Хэйнсы, и очень рекомендовали последовать их при-

меру. В Иллинойсе и почвы были плодороднее, и лес расчищать было легче, и вообще – зачем ждать? Новая земля будет лучше, а бревенчатую хижину сколотить можно и на новом месте...

Ко всему этому прибавились слухи о новой вспышке «коровьей болезни», и в итоге Линкольны распродали все, что только могли, – например, своих свиней, – и тронулись в дорогу. Они осели на новой ферме, недалеко от городка Сангамо, распахали землю, поставили изгороди и начали все сначала. Авраам Линкольн делал все, что от него требовалось в непрерывающемся, непрерывном крестьянском труде, – но как только все было устроено и налажено, отыскал себе новое занятие. Ему предложили работу – надо было на плоскодонке сплавить вниз по реке груз всяческой провизии. Путь был долгий – не просто вниз по реке, а *«вниз по реке и до самого низа...»*, то есть плыть надо было до устья Миссисипи, до Нового Орлеана. Авраам Линкольн немедленно согласился. Ему подходил уже 21-й год. Он не знал, кем он хочет стать, но кем он быть не хотел, знал твердо. Он не хотел быть фермером.

Примечания

1. Название «Виргиния» означает «Девственная», в честь английской королевы Елизаветы I, «Королевы-девственницы», никогда не выходившей замуж. Следует иметь в виду, что по-английски название штата произносится как «Вирджиния», но мы будем следовать той традиции, которая уже сложилась на русском, и Эйбрахама Линкольна будем именовать Авраамом. Хотя по-английски он именно Эйбрахам.

Деревенский паренек в поисках заработка

I

Перегон плоскодонки в Новый Орлеан, конечно, не мог сравниться с блеском службы на каком-нибудь пароходе, но все же это предприятие положило некое начало жизни Авраама Линкольна в городе. Конечно, город Нью-Сэйлем городом мог считаться только в приграничной зоне – жило в нем от силы две-три сотни людей.

Но в Америке все было не так, как в Европе.

Людей было мало, земли – сколько угодно, поэтому переселенцы селились отдельно стоящими фермами-хуторами. Деревень на европейский манер они не заводили, но все-таки нуждались в каком-нибудь центре. Там ставилась лавка, где можно было бы купить что-нибудь нужное, вскоре рядом с ней возникала та или иная церковь, а рядом с ней – отделение какого-нибудь банка. Потом открывалась таверна-другая – и все, город был готов.

Нью-Сэйлем примерно так и возник. Но особенности Америки не исчерпывались тем, что место с населением в сотню-другую считалось городом, – такому городу довольно часто присваивали неимоверно пышное название. И по сей день, прокатившись по Соединенным Штатам, вы легко найдете дюжину Берлинов, Парижей и Петербургов. Крошечное местечко посередине прерий может называться, скажем, Москвой, а рядом с ним будет другой городок, покрупнее, с названием вроде Бычий выпас.

Ну так вот, в этом ряду мест со странными названиями городок Нью-Сэйлем занимал достойное место, ибо в переводе на русский должен был бы именоваться Новым Иерусалимом.

Ибо самый первый Сэйлем на американской земле был построен благочестивыми пилигримами-пуританами, воспитанными на Ветхом Завете и желавшими построить себе в Массачусетсе новый «Град на Холме», свой «Иерусалим», «Jerusalem», который они, впрочем, вскоре сократили до «Salem». На английском это произносится как «Сэйлем», и вскоре свои «сэйлемы» появились и в других местах, не только в штатах, расположенных вдоль атлантического побережья, а и поглубже на запад. А поскольку какой-нибудь очередной Сэйлем оказывался в данном штате уже не первым, то следующий за ним именовали уже «новым» Сэйлемом – так Нью-Сэйлем и возник.

Ну и спрашивается – где же еще поселиться молодому человеку по имени Авраам, как не в Новом Иерусалиме? Авраам Линкольн так и сделал, хотя семантические соображения вряд ли играли хоть какую-нибудь роль в его выборе. Просто город выходил на реку, которая была притоком Огайо, там начало разворачиваться какое-то строительство, и там нашлась работа получше, чем расчистка леса под пашню. Владелец товаров, доставленных Линкольном в Новый Орлеан, предложил ему место клерка в своем торговом заведении. Плата была вовсе не щедрой – всего 10 долларов в месяц, но на нее можно было как-то прожить. И Линкольн принял предложение, занялся счетами и учетом, и очень скоро заслужил себе прозвище – «честный Эйб».

С Эйбом все понятно. Авраам на английский манер произносится как Эйбрахам, конструкция выходит слишком длинной, и с «Авраамом» поступили так же, как и с «Иерусалимом» – сократили до чего-то удобопроизносимого. А вот с эпитетом «честный» вышло не так просто, его надо было заслужить. И Эйб Линкольн его действительно заслужил. Как оказалось, он свято платил свои долги.

II

Хорошая репутация в своем роде может стать капиталом. Работа клерком по найму, увы, не задалась – само предприятие прогорело. Эйб Линкольн, надо полагать, не пропал бы – он был физически очень сильным человеком, ростом под два метра, а к тому же грамотным и дельным, так что какая-нибудь работа ему подвернулась бы в любом случае – но тут случилось индейское восстание.

В Иллинойсе было объявлено о создании «милиции» – вооруженного ополчения штата. Линкольн туда записался и даже оказался избранным капитаном отряда местных добровольцев. Ничего особенного отряду делать не пришлось, ни в каких сражениях он не участвовал, но служба «капитану Линкольну» пригодилась – его стали узнавать. Он даже попытал удачу на выборах в законодательное собрание Иллинойса. Из этого ничего не вышло, хотя из примерно 300 голосов, поданных на выборах в городе Нью-Сэйлем, он получил 277.

Избиратели его прямо-таки обожали. Речи он произносил краткие и понятные, в местных вопросах разбирался, слыл человеком умным и рассудительным, а к тому же умел веселить публику всякого рода «историями из жизни», которые, по-видимому, придумывал на ходу.

В одной из них повествовалось о баптистском проповеднике, который в церкви сообщил своей пастве, что он здесь в качестве представителя самого Иисуса Христа. И вошел в такой азарт, что даже тогда, когда ящерица забралась к нему под одежду и бедняге пришлось сбросить штаны от щекотки, проповеди он все-таки не прервал. И тогда одна старая леди заметила, поглядев на него, что, если пастор действительно представляет здесь Христа, с Библией она отныне не хочет иметь ничего общего. Публика хохотала.

Народ в пограничье собирался всякий, и особым благочестием он не отличался. Зато отличался высоким уровнем патриотизма, а врагом, по традиции еще со времен Войны за независимость, считал проклятых англичан.

Так что другая история, которую Линкольн при дамах не рассказывал, имела у них еще больший успех. Суть ее состояла в том, что некий американский офицер посетил Британию и, будучи в гостях в чьем-то загородном доме, увидел там портрет генерала Вашингтона, висевший в отхожем месте. И офицер любезно сказал своим хозяевам, что лучшего места для портрета и не придумаешь, ибо каждый знает, что *«стоило только англичанам увидеть Вашингтона, как их сразу прохватывал понос...»*.

В общем, понятно, что столь яркий оратор не мог остаться незамеченным, – и, когда выборы миновали, новые друзья Эйба Линкольна выхлопотали ему «правительственный пост» – он стал заведовать местным почтамтом. Ну, что сказать? Это не было завидной должностью, так что и претендентов на нее было немного, но все же давало некое небольшое жалованье и оставляло немало досуга. А досуг молодому Эйбу Линкольну требовалось как можно больше. Он по-прежнему очень много читал. И очень усердно учился.

III

В круг чтения молодого Авраама Линкольна попадало далеко не все подряд. Он мало интересовался литературой и историей, и роман Вальтера Скотта «Айвенго» оказался в списке прочитанных им книг чуть ли не единственным романом. Читал кое-какие книги поэзии, в частности – Шекспира. Впоследствии специалисты находили в стиле речей Авраама Линкольна некое влияние великого барда. Но, конечно, на беллетристику особо много времени не тратилось.

Зато книги по юриспруденции оказались предметом страстного интереса, особенно «Комментарии к законам Англии» сэра Уильяма Блэкстоуна, – Эйб Линкольн заучил ее чуть

ли не наизусть. Он вообще обнаружил способность к быстрому усваиванию больших объемов информации. Когда ему понадобился приработок, он за шесть недель изучил «Теорию и практику топографического дела» Гибсона и «Курс геометрии, тригонометрии и топографии» Флинта и получил лицензию на работу землемера. Работа почтмейстера, кстати, в числе прочих своих выгод давала возможность читать газеты, которые приходили подписчикам. По принятым тогда правилам за доставленную почту платили не те, кто ее отправлял, а те, кто ее получал.

Так что в почтовом отделении газеты, присланные из крупных городов вроде Нью-Йорка, нередко неделями дожидались, пока их заберут. В результате Эйб Линкольн имел сколько угодно возможностей внимательно изучать все, что там печаталось, и постепенно оказался в курсе политических баталий уже не только на местном, но и на национальном уровне.

В общем, совсем не удивительно, что в 1834 году он выставил свою кандидатуру еще раз, что само по себе было совсем не плохим достижением для *«сельского недотепы...»*, как любил называть себя Эйб Линкольн, уж не знаю, насколько всерьез. Может быть, ему просто хотелось показать свою близость к избирателям его графства – кто знает?

Во всяком случае, когда во время избирательной кампании он наткнулся на группу фермеров, которые сказали ему, что не будут голосовать ни за кого, кто не сумеет управиться с уборкой урожая, Линкольн сказал им: *«Коли так, ребята, ваши голоса у меня в кармане...»*, снял сюртук и наглядно продемонстрировал, что умеет управляться с сельским трудом не хуже, чем они.

Успех был впечатляющим – на том избирательном участке, где это произошло, он собрал чуть ли не 100 % поданных голосов. Надо думать, слухи об этой истории разошлись по округе, потому что в итоге Эйб Линкольн победил, показав очень неплохой общий результат, и в итоге он оказался избранным в легислатуру – так называлось законодательное собрание.

Теперь ему предстояло отправиться в столицу Иллинойса, Вандалию. Под громким названием «столицы» проходило поселение, которое в Европе назвали бы деревней, – там жило от силы сотен восемь-девять жителей. Но новый «законодатель Иллинойса», Авраам Линкольн, твердо вознамерился произвести в столице должное впечатление. Под залог своего будущего жалованья он занял у одного из богачей Нью-Сэйлема целых 200 долларов. Деньги взаймы он получил без малейших затруднений – и 60 из них сразу же потратил.

Эйб Линкольн в первый раз в жизни приобрел себе костюм.

IV

Кроме более респектабельного наряда, он ничем больше себя не порадовал. Не то чтобы заседания требовали от него такого уж серьезного напряжения – легислатура штата Иллинойс была местным законодательным органом, и в круг обсуждаемых здесь вопросов попадали все больше правила выпаса скота, – скажем, следует ли настаивать на как-то огороженных пастбищах или *«...луга принадлежат всем...»*? Но Эйб Линкольн обнаружил, что есть вещи, о которых он как-то никогда раньше не задумывался. Ну, например, – его путешествие в Новый Орлеан с грузом бекона и муки оказалось возможным только потому, что Соединенные Штаты приобрели территорию Луизианы у Франции – и с ней вместе и город Новый Орлеан.

Сделка была совершена в 1803 году, примерно за 6 лет до его рождения, и включала в себя все земельные владения Франции в Северной Америке, и не только те, которыми она действительно владела, но и те, на которые могла претендовать. Территория была огромной – от Канады и до устья Миссисипи, – и дело само по себе касалось и Иллинойса. Поселенцы теперь могли двигаться дальше на запад и не рисковать столкнуться ни с кем, кроме индейцев.

Более того – при президенте Монро в США была провозглашена так называемая «доктрина Монро». Это была декларация принципов внешней политики США – «Америка для

американцев», сформулированная 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании президента к конгрессу США.

Тут интересно то, что на самом-то деле ее идею «...*провозглашения американского континента зоной, закрытой для вмешательства европейских держав...*» следовало бы называть «доктриной Джона Квинзи Адамса», уже знакомого нам американского дипломата. В 1823 году он служил в администрации президента Монро в качестве государственного секретаря, он-то и придумал «доктрину Монро». Поводом для этого послужило намерение Священного Союза восстановить порядок в испанских колониях Америки. Священный Союз был организацией монархов Европы, целью своей провозглашал «...*защиту тронов и алтарей...*», и возглавляла его та самая Россия, послом в которой Джон Квинзи Адамс и был вплоть до 1814 года.

Надо было иметь немалое присутствие духа для того, чтобы сказать «нет» такой организации, но скромный и миролюбивый дипломат, Джон Квинзи Адамс, ничуть в этом не затруднился. Он мягко так заметил, что если Соединенные Штаты Америки и не помышляют о том, чтобы вмешиваться в дела Европы, то почему бы и Европе не последовать их примеру и не оставить свои попытки вмешательства в дела государства Америки?

В декларации были, надо сказать, довольно сильные пассажи. В частности, там говорилось следующее:

«...В интересах сохранения искренних и дружеских отношений, существующих между Соединенными Штатами и этими державами, мы обязаны объявить, что должны будем рассматривать попытку с их стороны распространить свою систему на любую часть этого полушария как представляющую опасность нашему миру и безопасности ...»

Надо отметить, что прошло всего лишь 14–15 лет между дружескими беседами у камелька между канцлером грозной Российской империи, графом Н.П. Румянцевым, и скромным послом шаткой ассоциации 13 бывших колоний Великобритании и декларацией Джона Квинзи Адамса о том, что «...*не дело европейских держав вмешиваться в дела на американском континенте...*». И Россия с тех пор не только не стала слабее, но и увеличила свое могущество и покрыла себя вечной славой, победив самого Наполеона. И тем не менее, ей противоречили, и весьма недвусмысленным образом.

Откуда взялась у Джона Квинзи Адамса его неслыханная отвага?

V

В политику люди приходят разными путями. Эйб Линкольн, например, пришел в нее снизу. Можно даже сказать – с самого низу. А Джон Квинзи Адамс пришел в американскую политику с самого верха – его отец был не только вторым президентом США, но и одним из легендарных «отцов-основателей» Союза. И если Линкольн поучился что-то около года в не больно-то качественной школе, Адамс-младший учился в Лейденском университете в Нидерландах и с 14 лет служил при дипломатических миссиях США.

Он считался лучшим американским дипломатом своего времени, и уж если он убедил президента выступить с такого рода заявлением, как «декларация Монро», то, конечно, сделал это не просто так. Начать с того, что особого риска тут не было, – против намерений европейских держав уже высказалась Великобритания. Предпринимать что бы то ни было, имея перед собой два таких препятствия, как Атлантический океан и английский флот, было бы чистым безумием, так что инициатива европейской интервенции к моменту выступления Монро была уже оставлена. А целью высказывания президента была не столько шпилька в адрес Священного Союза, сколько желание показать, что Америка не идет вслед за Англией, как шлюпка на буксире, а в состоянии сама сказать некое слово, и слово это будет веским.

Оставалось, конечно, уточнить вопрос – а насколько веским?

Сам Джон Квинзи Адамс никаких особых усилий в деле увеличения веса американского слова не предпринимал – даже тогда, когда конгресс избрал его шестым президентом Соединенных Штатов. Случай сам по себе был уникальный – случилось так, что в 1823 году избирательный процесс в США дал сбой, ни один из кандидатов в президенты не набрал нужного ему большинства, и в результате была задействована резервная процедура – выбор президента конгрессом. И конгресс избрал Адамса – к огромному возмущению Эндрю Джексона, собравшего больше всего голосов и ожидавшего, что он и будет утвержден в должности главы исполнительной ветви власти в Соединенных Штатах. Джексон сумел поправить дело только на следующих выборах, весной 1829 года. Ко времени избрания Эйба Линкольна в законодательное собрание Иллинойса, которое произошло в 1834 году, Эндрю Джексон возглавлял партию демократов и был уже на втором году своего второго президентского срока.

Вот у него никаких сомнений в необходимости укрепления веса слова США не имелось – он стоял за усиление способности федерального правительства действовать на международной арене. А если понадобится – то и вооруженной рукой. Для этого надо было иметь и военный флот, и армию, и он по мере возможности старался усилить и то и другое. Действия президента вызывали противодействие со стороны партии, называвшей себя вигами[1].

В захолустном Иллинойсе никаких организованных партий еще не было. Новым законодателям штата Иллинойс, таким как Линкольн, надо было сделать выбор: стоять за президента или стоять против него? Линкольн подумал и решил, что ни с президентом Джексоном, ни с демократической партией ему не по пути.

Он выбрал партию вигов.

Примечания

1. Партия вигов – политическая партия Соединенных Штатов, существовавшая в 1832–1856 годах. Партия возникла как оппозиция демократии Эндрю Джексона и демократической партии. В частности, виги поддерживали главенство конгресса над исполнительной властью.

Молодой человек с определенными перспективами

I

15 апреля 1837 года в город Спрингфилд въехал некий молодой человек, одетый не больно-то элегантно, и верхом на лошади, которую ему одолжили. Тем не менее, он был полон надежд, ибо у него была и профессия, и место, где его ожидали и где он мог приложить свои силы и знания. Звали молодого человека Авраамом Линкольном, профессией он обзавелся совсем недавно, умудрившись сдать экзамены на занятия юридической практикой, а местом его труда должна была стать адвокатская контора «Стюарт и Линкольн», в которой ему было предложено поучаствовать в качестве младшего партнера.

Ну, с Линкольном мы уже немного знакомы, а вот о Спрингфилде есть смысл рассказать поподробней. В 1837 году это был новый город, основанный только 16 лет тому назад, в 1821-м, и улицы его пока что никто замостить так и не собрался. Поэтому в распутицу грязь тут была такая, что грузовые фургоны вязли в ней по колесные оси, зато летом мелкая пыль наполняла воздух до такой степени, что затруднялось дыхание. Тем не менее, в городе жило уже под полторы тысячи человек, и в нем имелось 19 лавок, 7 бакалейных магазинов, 4 аптеки, два заведения, торгующих одеждой, и одно, торгующее книгами и журналами. Имелось также 6 церквей и не точно известное количество пивных, потому что спиртным, случалось, торговали и без лицензии. Образованное сословие было представлено 18 докторами и 11 юристами, одним из которых и являлся Авраам Линкольн, молодой человек, прибывший сюда из Нью-Сэйлема.

Денег у него было так мало, что он поселился в большой комнате на втором этаже магазина «Эллис и Компания» вместе с Джошуа Спидом, одним из владельцев этого магазина[1].

Тем не менее, несмотря на бедность, он явно чувствовал себя довольно оптимистично, – как-никак, у него была работа и даже некая политическая репутация. В законодательном собрании штата Иллинойс его уже замечали, он был вигом и в этом качестве стал одним из лидеров «фракции меньшинства», как вигов именовали их оппоненты-демократы.

Работы у него хватало – юридическая фирма «Стюарт и Линкольн» была весьма успешным предприятием, с хорошей практикой, но заработка, тем не менее, Эйбу Линкольну хватало только на жизнь. Дело тут даже не только в том, что на его долю выпадали все больше мелкие дела, приносившие гонорар в размере 3–4 долларов, сколько в том, что на нем лежало тяжелое бремя так называемого «национального долга». Еще в 1832 году он влез в дело, взяв на себя половинную долю в предприятии «Берри и Линкольн», которое перекупило вышедший из бизнеса магазин, торговавший всякой всячиной. У новых владельцев дело тоже не пошло, даже после того, как Берри попытался торговать еще и алкоголем, – он сильно пил и попробовал, так сказать, совместить личные увлечения с профессиональной деятельностью. Эксперимент вышел очень неудачный, Берри спился и вскоре умер, и предприятие «Берри и Линкольн» прогорело дотла. По закону Авраам Линкольн отвечал только за половину долгов обанкротившейся фирмы, но он решил взять на себя все. Поступок, возможно, донкихотский, но «честный Эйб» был человеком порядочным и подводить кредиторов, ссудивших его бывшую компанию деньгами, не хотел ни за что. В итоге он задолжал фантастическую для его возможностей сумму, побольше 1000 долларов, и выплачивал ее мелкими взносами. Потому-то он и его приятели и окрестили ее «национальным долгом» – и штатные, и федеральные долги выплачивались примерно так же. А долгов у штата Иллинойс хватало.

За один из них прямую ответственность нес законодатель Авраам Линкольн.

II

На тему того, как именно устроена система правления в Соединенных Штатах, написаны даже не целые тома, а целые библиотеки. Это неудивительно – в Новом Свете попробовали заново создать такое государство, которое учло бы все ошибки и недочеты государств Старого Света. Вопросами теории правления в Европе, конечно, занимались еще со времен Аристотеля.

Считалось, что есть три базовые формы правления:

1. Правление одного – монархия.
2. Правление немногих лучших – аристократия.
3. Правление большинства – демократия.

И предполагалось, что все три формы имеют свои достоинства, но имеют и недостатки, крупнейший из которых состоит в их перерождении. Монархия, скажем, имеет тенденцию вырождаться в тиранию, аристократия – в олигархию, когда группа немногих начинает править только в интересах самих себя.

О проблемах демократии нечего было и говорить – считалось самоочевидным, что она может выродиться в охлократию, то есть во власть охлоса[2]. А это, знаете ли, власть тупой, слепой и озлобленной толпы черни. Такое толкование было, например, очень популярно в России во времена Екатерины Великой – считалось хорошим тоном сравнивать счастливый век правления просвещенной императрицы, «философа на троне», с буйными Афинами, поднесшими чашу с цикутой самому Сократу...

Ну, «отцы-основатели» Соединенных Штатов к народному волеизъявлению относились более либерально, но и они считали, что власть посредством прямого народоизъявления получится несколько хаотичной. В целом была принята идея о необходимости смешанной системы, в которой сочетались бы лучшие черты и монархии, и аристократии, и демократии. С ссылкой на известное с античных времен устройство Римской Республики такая система почиталась наилучшей.

Однако у творцов нового, еще небывалого государства имелись образцы и примеры посвежее, чем Древний Рим, – в конце концов, все они были англичанами. Идея представительной законодательной власти – парламента – представлялась им очевидной, тем более что законодательные ассамблеи имелись в каждом из первых 13 штатов, образовавших Союз.

По образцу британского парламента в Америке был учрежден собственный законодательный орган, конгресс, и он тоже был разделен на две палаты. Палата общин в США стала называться палатой представителей, а палата лордов – сенатом[3].

Согласно первой статье Конституции США, дело устроено следующим образом:

«Статья I:

Раздел 1. *Все законодательные полномочия, сим установленные, предоставляются конгрессу Соединенных Штатов, который состоит из Сената и Палаты представителей.*

Раздел 2. *Палата представителей состоит из членов, выбираемых раз в два года населением в отдельных штатах; избиратели в каждом штате должны отвечать требованиям, предъявляемым к избирателям более многочисленной палаты законодательного собрания штата».*

Но вот дальше начались поправки и улучшения. В палату представителей, в отличие от британского парламента, депутатов выбирали всего на два года, а не на неопределенное время «...вплоть до пяти лет...», и депутаты должны были представлять определенные избирательные округа с приблизительно одинаковым количеством населения. Тем самым ликвидировалась известная проблема так называемых «гнилых местечек», – когда в силу исторических

причин какая-нибудь богом забытая деревенька имела место в парламенте, а возникший позднее ее не маленький город такого места не имел.

В Конституции на эту тему говорилось вот что:

«Представители и прямые налоги распределяются между отдельными штатами, которые могут быть включены в настоящий Союз, пропорционально численности населения, каковая определяется посредством прибавления ко всему числу свободных лиц, – включая тех, кто обязан находиться в услужении в течение многолетнего срока, и исключая не облагаемых налогом индейцев трех пятых всех прочих лиц».

Обратим внимание на оговорку об индейцах – они считались чем-то отдельным и к выборам в США не допускались. Что же касается «...тех, кто обязан находиться в услужении в течение многолетнего срока...» — тут в виду имелись негры-рабы. Надо было как-то решить, как же учитывать их в подсчете населения штатов при том, что рабы права голоса заведомо лишены. «Отцы-основатели» нашли некий компромисс – раб, деликатно названный «лицом, обязанным услужением...», права голоса по-прежнему не имел и гражданином не являлся, но в кадастре населения оценивался как $\frac{2}{3}$ белого. Так что южные штаты имели как бы больший вес на душу населения при выборах в палату представителей.

Примем во внимание, что подход к представительству каждого штата, связанный с количеством его населения, давал преимущества крупным штатам, где жило больше народу. Поэтому в качестве компенсации малым штатам было принято правило, согласно которому всякий штат, вне зависимости от его размеров, был представлен в сенате двумя депутатами, которых так и называли – сенаторы.

Сенат был эквивалентом английской палаты лордов, так сказать, попыткой создать аристократию государственных мужей, опытных в делах правления. Дабы сделать их не столь подверженными шаткому влиянию улицы, сенаторам давались полномочия не на два года, а на шесть. Однако и они были лицами выборными – никаких «наследственных лордов» Конституция США не признавала. В общем, такого рода система укоренилась уже настолько, что все новосозданные штаты, вроде Иллинойса, просто копировали ее на местном уровне и легислатуру свою переизбирали каждые два года. Таким образом, каждый законодатель, если хотел быть избранным еще раз, был просто обязан учитывать мнения своих избирателей. Авраам Линкольн был честолюбив и быть избранным еще раз хотел, и даже очень хотел.

И в 1836 году он проголосовал за «проект внутренних улучшений».

III

Европейцев, попадавших в Соединенные Штаты в середине XIX века, поражала глубокая дремучая провинциальность американской культурной и политической жизни. Крупных писателей, художников или поэтов, известных в Европе, в США в это время не было. Собственно, Эмерсон уже был, но он рассматривался скорее как философ. Где-то в стороне от суеты жил в своей уединенной хижине в лесу Генри Торо. Однако его работы и в США поначалу особой известности не имели.

Америка в культурном смысле оставалась некоей отдаленной заокеанской провинцией Европы, в первую очередь Англии, да и вообще можно сказать, что культурой американцы интересовались не слишком. Еще меньше интереса вызывала у них внешняя политика.

Федеральное правительство вообще располагало очень небольшими ресурсами, его функции в основном ограничивались просто координацией действий отдельных штатов, политика же отдельных штатов вертелась практически исключительно вокруг сугубо местных вопросов.

Соединенные Штаты были одинаково благожелательны решительно ко всем, кто мог им что-нибудь продать или, наоборот, что-нибудь у них купить.

Страна жила коммерцией и индустрией. Там для энергичных и способных людей хватало пространства для осуществления их амбиций, потому что и торговля, и индустрия развивались в США бурными темпами. Важнейшим фактором этого была так называемая «транспортная революция». До появления железных дорог единственным способом передвижения людей и грузов были перевозки водой. То есть, конечно, можно было двигаться верхом или идти пешком. Можно было двигаться в карете, но это требовало какого-то разумного устройства дорог, иначе дожди и грязь делали их непроходимыми добрую половину года. Вода в этом смысле была более удобна, и реки Америки служили чем-то вроде транспортных артерий для путешествий и торговли.

Для перевозки грузов из города Цинциннати в штате Огайо в город Нью-Йорк требовалось около семи недель. Торговое судно могло отправиться по реке Огайо вниз по течению, дальше двигаться по Миссисипи до Нового Орлеана, там груз следовало передать на другое судно, теперь уже способное двигаться по морю, и только тогда в конце концов он оказывался в Нью-Йорке.

Понятно, что при таких условиях продукция, произведенная где-нибудь в Цинциннати, далеко от места своего производства не уходила, и тот же Нью-Йорк предпочитал покупать все, что ему требовалось, где угодно, а не в Огайо. Но когда появились паровозы, оказалось, что путь из Цинциннати до Нью-Йорка занимает только пять дней, и в результате свинина из Огайо пошла к атлантическому побережью в таких количествах, что цена на нее упала с 9 долларов 75 центов за бочку до 1 доллара 18 центов.

Понятное дело, перевозилась не только свинина, но и вообще все, что можно было провозить на месте и с выгодой продать там, где этого продукта не хватало. К железным дорогам добавился телеграф – и торговцы получили возможность мигом узнавать котировки на любые товары во всех местах, куда только доставали телеграфные провода.

Производство *«чего угодно в индустриальных количествах»* само стало чем-то вроде «паровоза» – оно потянуло за собой и оптовую торговлю, и бурное усовершенствование методов обработки сырья, и нужду в материалах вроде чугуна, стали и хлопка, и новые потребности в продовольствии для больших городов, и образование целых технических социальных прослоек в виде механиков, машинистов, телеграфистов, мастеров по изготовлению всевозможных машин и приспособлений и так далее. Всю эту бурную деятельность требовалось как-то регулировать, возникающие конфликты требовалось как-то разрешать. Разрешением конфликтов занимался суд – и оказалось, что потребность в юристах возросла. А регулированием занимались законодательные ассамблеи штатов – там принимались законы. Законодателями же становились только те, кто одерживал победу на местных выборах. Естественным путем в политику потянулись те, кто хотел бы влиять на законы. Лучше всех в законах понимали, естественно, юристы. Вот они-то в политику и двинулись.

Чему Линкольн был типичным примером.

IV

Партия вигов, к которой принадлежал Авраам Линкольн, отвергала всякую идею о создании федерального центра, имеющего в своем распоряжении дееспособную армию. Считалось, что это самый верный путь к тирании, и президента Эндрю Джексона, настаивавшего на усилении армии и флота, виги обзывали *«королем Эндрю...»*. Королевский титул тут понимался отнюдь не как комплимент, а как синоним слова «диктатор». На все аргументы со стороны «юнионистов», считавших необходимым создать в США хоть какие-то постоянные вооруженные силы, ответом было, что в этом нет никакой надобности. Разве Соединенные Штаты не

сумели отбиться от Англии в ходе войны 1812 года? И разве милиционные ополчения отдельных штатов, вроде того формирования, в котором послужил в свое время Авраам Линкольн, не более чем достаточны для того, чтобы в случае нужды установить должный порядок на новых территориях?

Но тем не менее, и у правительства есть некая роль – оно должно взять на себя финансирование таких крупных проектов, которые отдельные граждане поднять не в состоянии. Например, строительство железных дорог, или проведение новых каналов, или принятие мер по улучшению почвы. Тут, в общем, и случилось крупное расхождение вигов и демократов. Обе партии полагали, что надо всячески способствовать тому, что сейчас назвали бы «инфраструктурой», но виги настаивали на прямом участии правительства, а демократы – на создании «благоприятного инвестиционного климата». Они были готовы отдать это дело в руки частного капитала и полагали, что нечего тратить деньги налогоплательщиков на то, что частники сделают куда лучше.

Споры носили ожесточенный характер, как случается всегда, когда делятся налоговые деньги.

Ибо есть люди, которые их платят, и люди, которые их тратят, и их интересы не совпадают самым решительным образом. Представители «...тех, кто платят...», в иллинойсской легислатуре стояли за сокращение расходов штата. Налоги платились не с доходов, а с собственности, так что крупные собственники предпочитали «ограниченное правительство». Но мелкие собственники, которых было на два порядка больше, желали «...улучшений дорог и каналов...» – за общественный счет. Линкольн был сторонником именно такого подхода к делу, агитировал за принятие соответствующего законодательства, добился своего – но, увы, в 1837 году случилась паника, все ценные бумаги в Иллинойсе пошли вниз, и штат остался с начатыми каналами, которые было не на что довести до эксплуатации. Попытка погасить долг выпуском облигаций особого успеха не принесла, пришлось поднимать налоговые ставки, и в итоге началось недовольство. Немалая часть его выпала на голову пылкого молодого законодателя, Авраама Линкольна. Тот факт, что он сумел удержаться в легислатуре и дальше, был свидетельством его популярности у избирателей, не все его коллеги отделались так легко.

Но, как известно, неудачи учат получше, чем успехи.

Линкольн в своих речах стал сдержаннее. Теперь он не бросался в борьбу так безоглядно, как он делал раньше. В Иллинойсе в ходу были бурные сходы, которые нередко переходили в драки. У Линкольна была своя «группа поддержки», образовавшаяся еще со времени его первых неудачных попыток добиться выборного поста. И когда он однажды увидел, что одному из его преданных друзей грозит полное поражение, Линкольн прыгнул с возвышения, с которого он держал речь, схватил человека, колотившего его приятеля, за ворот и за штаны и откинул его далеко в сторону. Очевидцы говорили, что фута на 3–4, преданные сторонники довели эту цифру уже до 10–12, а потом и вовсе начали говорить, что «честный Эйб» перекинул наглеца через речку. Так случается с легендами – но где-то с 1838 года Авраам Линкольн перестал поставлять исходные материалы для такого рода легенд.

Во-первых, он сильно остепенился и начал присматривать себе жену. Он чуть было не женился еще в 1835 году, но его избранница умерла, по всей вероятности, от вспышки тифа, начавшейся после наводнения. Линкольн очень горевал по ней, но жизнь берет свое, и у него даже появилась новая привязанность, девушка родом из довольно богатой семьи из штата Кентукки. Кавалеру такой барышни драться на кулачках как-то не пристало.

Во-вторых, в штате Иллинойс значительную известность начал приобретать некто Стивен Дуглас. Он был юристом, как и Линкольн, только работал не в частной компании, а на официальном посту в одном из графств Иллинойса, и с 1836 года стал заниматься политикой и очень быстро выделился как яркий оратор. За малый рост и кипучую энергию его стали называть «маленьким гигантом», среди сторонников партии демократов в Иллинойсе он считался

восходящей звездой, и оказалось, что буквально на всех путях, по которым шел Авраам Линкольн, он наткнулся на Стивена Дугласа.

Они сильно невзлюбили друг друга.

Примечания

1. Поскольку А. Линкольн и Д. Спид делили не только комнату, но и кровать, впоследствии ходило много разговоров о гомосексуальных тенденциях Линкольна. Однако это предположение попросту не учитывает реальностей эпохи – в ту пору общая кровать была делом настолько обыкновенным, что судьи апелляционного суда в ходе инспекционных поездок жили в одной комнате и спали в кроватях попарно, а исключение если и делалось, то даже не по возрасту, а по весу. Толстяки спали отдельно.

2. Охлос (*др. – греч.*) – большое скопление людей.

3. Конгресс США (*англ.* United States Congress) – законодательный орган, один из трех высших федеральных органов государственной власти США. Полномочия определены Конституцией США. Конгресс является двухпалатным, состоящим из сената и палаты представителей. Палату представителей часто тоже называют конгрессом, а заседающих в ней представителей – конгрессменами.

Эйб Линкольн, респектабельный гражданин Спрингфилда

I

Вступление в брак – дело важное для любого человека, но для Авраама Линкольна, в ноябре 1842 года сочетавшегося законным браком с мисс Мэри Тодд, женитьба была особым событием. Он, что называется, получал сертификат респектабельности. Его супруга была родом из состоятельной семьи, у ее отца была плантация в Кентукки и определенные денежные и земельные интересы в Иллинойсе, – и уж коли он брак своей дочери одобрил, то социальный статус мужа его дочери сомнений ему не внушал.

Жениху в 1842 году исполнилось 33 года, его жене – 24, так что по возрасту они хорошо подходили друг другу, и вообще приятно смотрелись рядом. Супруги Линкольны как бы подтверждали собой вечное правило, согласно которому противоположности тянутся друг к другу. Это было заметно даже чисто физически: Эйб Линкольн был очень высок и очень худ, а его жена невысока ростом и немного склонна к полноте. Они прекрасно дополняли друг друга и в смысле общения – Линкольн в обществе дам всегда немного терялся, он просто не знал, о чем с ними следует говорить. С Мэри Тодд ему было легко – не надо было беспокоиться вообще ни о чем. В обществе она говорила, не умолкая ни на минуту, и, по отзыву одного из друзей Линкольна, решительно со всеми *«...вела беседу за обе стороны...»*.

В общем, все было как бы хорошо и даже замечательно – по крайней мере, так это выглядело на поверхности. Однако под гладкой вроде бы водной поверхностью могут скрываться разного рода водовороты – и благополучный брак супругов Линкольнов тоже без них не обошелся.

Для того чтобы в них разобраться, достаточно задать себе простой вопрос – а с чего бы это благовоспитанной барышне с Юга выходить замуж за увальня, родившегося и выросшего в бревенчатой хижине? Авраам Линкольн, конечно, в Спрингфилде был уже на виду. В городе к 1842 году жило что-то 2–3 тысячи человек, из которых к «хорошему обществу» относилось не больше сотни, и, конечно же, все они друг друга знали. Линкольн, конечно, входил в число «избранных», он был уже и юристом с хорошей репутацией, и видным политиком местного уровня. Но у него не было никакого состояния, и жил он только на свое жалованье законодателя штата Иллинойс и на то, что зарабатывал в качестве младшего партнера в юридической фирме.

К тому же он был вовсе не пригож и в обществе отнюдь не блистал – одевался кое-как и танцевать не умел вовсе. Откуда же у Мэри Тодд возник интерес к нему?

Ну, дело тут было в том, что ей пора было замуж, – она и в Спрингфилд-то приехала погостить у родственников именно с целью найти себе жениха. Никакого серьезного приданого у нее не намечалось, потому что у ее батюшки в двух браках родилось восемь детей, так что на долю Мэри мало что оставалось. А Спрингфилд был новый город, жизнь в нем кипела, какие-то деловые возможности возникали непрерывно, туда издали потянулись люди с амбицией и энергией – и среди них вполне можно было подыскать себе неплохого кандидата в женихи. Одним из таких кандидатов был, например, Стивен Дуглас. Он очень понравился Мэри Тодд, и она с ним флиртовала просто отчаянно. Но дело не сладилось – очень уж они были похожи друг на друга. Оба были и суетны, и говорливы, и стремились оказаться в центре внимания любого общества – разве что Стивен Дуглас был на порядок умнее. В общем, в итоге дело не сладилось, и они разошлись.

И вот тогда на горизонте мисс Мэри Тодд возник Эйб Линкольн.

II

И здесь, надо сказать, все было не так-то просто. Сначала дело шло прямым путем к свадьбе, и вроде бы бракосочетание должно было произойти еще в 1840 году. Но тут начались сомнения и колебания, причем как раз со стороны Линкольна. Он ухаживал еще за одной барышней, совершенно в том же духе, что и Мэри Тодд, – но она его в итоге забракела, и он очень был этим огорчен. Потом он вроде бы переключил свое внимание на Мэри, но тут у него случился приступ чего-то вроде депрессии – и он сообщил своей почти уже невесте, что он ее не любит, чем сильно огорчил. Потом случилась довольно дурацкая история: Мэри Тодд была девушкой с политическими взглядами и имела обыкновение писать всякие ядовитые заметки, нацеленные в местных политических деятелей. Линкольн помогал ей их печатать в одной из газет Спрингфилда – конечно, под псевдонимом. Политические деятели в городе, еще недавно бывшем самым краем западной границы, были довольно обидчивы, и один из них взялся за розыски человека, которого он считал негодяем и насмешником.

Поиски привели к Линкольну. И тот – по-видимому, из рыцарских побуждений – взял все на себя. В итоге он получил вызов на дуэль, что в те времена и в таком месте, как Спрингфилд, было далеко не шуткой. Дуэли случались настолько часто, что в Иллинойсе их запретили, и дуэлянтам для того, чтобы свести счеты, пришлось пересечь реку, отделявшую Иллинойс от штата Миссури.

Надо сказать, что поскольку Линкольн на дуэль не вызывал, а был вызван, то он имел право на выбор оружия. В Европе выбор на этот счет был небогат – или шпага, или пистолет. В Америке к делу отнеслись более творчески, и в принципе поединок мог быть организован так: в рощу с разных ее концов заходят два дуэлянта с заряженными ружьями, и секунданты терпеливо ожидают, кто же кого пристрелит...

Но в случае Линкольна так далеко дело не зашло – он выбрал кавалерийскую саблю.

На эту тему много потом острили и говорили, что, вообще-то, он выбрал топор, которым владел совершенно артистически, и на саблю согласился только из чистого джентльменства. Трудно сказать – по-видимому, он и правда рассчитывал на то, что его рост и длинные руки дадут ему преимущество в поединке. Но до боя все-таки дело не дошло – Линкольн сообщил своему противнику, что все газетные выпады против него *«носили чисто политический характер...»*. Это могло считаться принесением извинений – в западных штатах вроде Иллинойса на политических митингах оппоненты говорили друг про друга такое, что, если бы это принимали всерьез, одна половина штата перестреляла бы другую.

Так что дело закончилось мировой. Но последствия эта нелепая история все-таки имела. Во-первых, отношения Авраама Линкольна и мисс Мэри Тодд вернулись в исходную точку, то есть в фазу ухаживания, – и уж на этот раз Линкольн с крючка не сорвался и повел свою избранницу к алтарю. А во-вторых, никогда больше Линкольн в своих политических речах не допускал личных оскорблений. С храбростью у него все было в порядке.

Но он умел учиться на своих ошибках.

III

Женитьба по крайней мере в одном отношении оказалась благотворной – Линкольну пришлось изменить образ жизни и обзавестись хоть каким-то семейным жильем. Сначала он снимал номер в гостинице. Как ни странно, но многие молодые пары из круга людей небедных селились таким же образом – столовались они в том же заведении, что и жили, и, таким образом, не имели проблем с ведением хозяйства. Однако, когда пошли дети, это стало невозможным, и Линкольны обзавелись собственным домом. Ничего роскошного, конечно, но, тем не

менее, в своем роде это был перелом. Отец Мэри Тодд, побывав в гостях у дочери, определил ей некую «стипендию» в 120 долларов в год.

Сумма, прямо скажем, не ослепительная, но она позволила нанять служанку: в Спрингфилде в то время это стоило 5 долларов в месяц. Мистер Тодд подарил молодоженам еще и 80 акров земли – тоже подарок не слишком щедрый. Этого, впрочем, было бы достаточно для семейной фермы вроде той, на которой Авраам Линкольн вырос. Однако сдать участок какому-нибудь арендатору было невозможно. В Иллинойсе земля была дешева, труд дорог, а обрабатывать землю самому Линкольну категорически не хотелось.

Подарок тестя остался втуне. Авраам Линкольн взялся за дела более прибыльные. Он вышел из партнерства со своими бывшими старшими коллегами и организовал новую компанию, в которой старшим партнером был уже он сам. Его помощником стал Уильям Херндон – Линкольн звал его просто Билли. Им предстояло работать вместе долгие годы, и Билли Херндон станет одним из самых первых биографов Линкольна, к которому Билли относился в высшей степени почтительно. Ему и в голову не приходило называть шефа по имени – он адресовался к своему старшему партнеру только «сэр» или, в крайнем случае, «мистер Линкольн». Занятно, что точно так же Линкольна называла и его жена – мистер Линкольн. Было и еще одно обращение, уже после того, как супруги обзавелись детьми, – Мэри Линкольн называла мужа «отец». И он не обращался к ней по имени. В ходу было функциональное «mother» – «мать». Так уж сложились отношения у этой пары.

По сложившейся практике старшие партнеры в юридических фирмах передавали рутинные обязанности ведения дел своим помощникам. Так случилось и в компании «Линкольн и Херндон», и освободившееся время надо было использовать с толком. Авраам Линкольн так и сделал – он поставил себе целью добиться избрания уже не в законодательное собрание Иллинойса, а в национальный конгресс.

Это было непростое дело. В Иллинойсе был только один избирательный округ, в котором у партии вигов было устойчивое большинство, и Линкольну пришлось договариваться с другими кандидатами. Было необходимо некое неофициальное «соглашение о несоперничестве» – стороны принимали на себя обязательство не мешать друг другу и выставлять свои кандидатуры поочередно. Выборы 1844 года Линкольну пришлось пропустить, это был не его черед. Все надежды возлагались на 1846-й, – как мы знаем, согласно Конституции, выборы в нижнюю палату американской версии парламента шли с периодичностью в два года.

Шаг был очень значительным – в случае удачи Линкольн попадал на арену национальной политики. И он был готов сделать это. Программы, конечно, Авраам Линкольн покуда никакой не формулировал, но некая основная идея у него была. В своих речах он призывал сограждан *«строго следовать закону...»*. Он говорил им, что теперь, после того как американская революция победила и союз Соединенных Штатов окончательно утвержден, следует опасаться людей, сочетающих высокие способности со слишком высоким честолюбием, каких-нибудь американских реинкарнаций Цезаря или Наполеона. Ибо таких людей не устроит пост, на который избирают, они захотят большего. И для достижения этого они оставят почву закона и устроят что-нибудь безумное, что-нибудь такое, что нарушит равновесие общества. Например, *«освободят рабов или устроят войну...»*.

Более ярких примеров безумия Линкольн вообразить не мог и будущего, конечно, не предвидел.

Война мистера Полка и связанные с ней неудачи

I

Линкольны прибыли в Вашингтон 2 декабря 1847 года. Глава семейства, Авраам Линкольн, был избран в конгресс от 7-го избирательного округа штата Иллинойс и теперь, впервые в жизни, собирался принять участие в национальных дебатах. Состав конгресса на последних по времени выборах был изрядно обновлен, новых лиц, незнакомых ранее, в Вашингтоне было множество. Новый конгрессмен от Иллинойса, мистер Линкольн, никакого особого интереса к себе не вызвал. Куда больше говорили о другом иллинойском политике, Стивене Дугласе, который выиграл место в сенате.

Один из американских президентов XX века, Линдон Джонсон, заметил однажды, что *«разница между местом в сенате и местом в конгрессе примерно такая же, как между курицей и куриным дерьмом...»*. Конечно, к середине XIX века Линдон Джонсон еще и не родился, но некое ощущение справедливости его лапидарного высказывания уже существовало. И речи быть не могло о том, чтобы сравнивать Авраама Линкольна с такими столпами партии вигов, как сенатор Дэниэл Вебстер или неизменный лидер этой партии, сенатор Генри Клей.

В кабинете шестого президента США, Джона Квинзи Адамса, Клей занимал пост государственного секретаря, а для соратников по партии служил чем-то вроде непогрешимого оракула. Все главные идеи, на которых держалась платформа партии вигов: протекционизм, высокие тарифы на ввоз и вывоз, широкое государственное участие в проектах внутреннего развития, усиление влияния конгресса, уменьшение влияния президента – все это в наиболее отчетливой форме было сформулировано им.

И все это было полностью отвергнуто администрацией президента Джеймса Полка. Он понизил тарифы, он укрепил авторитет президентской власти, он категорически противился вовлечению государства в *«дела внутреннего развития...»*, и он даже провел весьма успешную войну против Мексики, что в глазах вигов было тяжким грехом. Война началась поздней весной 1846 года и к концу 1847-го была уже по большей части окончена – после нескольких крупных побед американские войска в сентябре этого года без боя заняли столицу Мексики, Мехико. Командующим был человек, принадлежащий к партии вигов, генерал Захария Тэйлор, которого победа вознесла в ранг национального героя. Казалось бы, о чем теперь и говорить, когда все кончено, и кончено так успешно для национальных интересов, да еще и с выгодой для партии вигов? Однако мистер Авраам Линкольн, совершеннейший новичок, только что избранный в конгресс от штата Иллинойс, нашел, что говорить все-таки есть о чем: он напал на президента Полка, буквально обвиняя его в том, что тот ввел конгресс в заблуждение в отношении того, как и где именно война началась.

Сам Авраам Линкольн свои действия объяснял *«...моральным негодованием...»*. Но, конечно, к 1847–1848 годам он был уже опытным политиком и при всем своем «негодовании» просчитывал эффект, который произведут его выступления. У него, несомненно, были опасения, что его речь будет принята неблагосклонно.

Так почему он на нее решился?

II

Насчет постепенного продвижения границы на запад ни у кого никаких возражений не имелось. Даже вполне миролюбивые люди, вроде Джона Квинзи Адамса, полагали, что гра-

ница будет двигаться вперед и вперед, с такой же неизбежностью, с которой яблоко с яблони будет падать вниз, а не вверх. Да, война с Мексикой в среде вигов поначалу была непопулярна, потому как считалось, что она увеличит влияние президентской власти и потребует усиления регулярной армии – и тому, и другому партия противилась в принципе, и выражение «*война мистера Полка...*» вошло в употребление еще до того, как война началась. Ее, конечно, же, готовили загодя, и то, что она неизбежна, стало понятно после того, как отделившаяся от Мексики Республика Техас оказалась принята в Союз на правах нового штата.

И вот как раз насчет новых штатов, образуемых на новых территориях, и возник конфликт, и даже не столько между партиями вигов и демократов, сколько между штатами Юга и штатами Севера. Вначале, сразу после победы в Войне за независимость, соперничество Юга и Севера особо не ощущалось. Но к середине XIX века интересы групп разных штатов стали расходиться. На Севере пошел процесс индустриализации. В результате центр экономических интересов стал смещаться от сельского хозяйства в сторону производства. Это особенно резко проявлялось в Пенсильвании, но в той или иной мере в штатах Севера ощущалось повсюду. Юг оставался аграрным, на что были свои причины: там был климат, подходящий для выращивания коммерческих культур, табака и хлопка, и там была дешевая рабочая сила, чернокожие рабы.

Разногласия между Севером и Югом начались с самого вроде бы простого дела – со спора о тарифах на ввоз и вывоз. Северу было желательно поддерживать высокие тарифы. При этом американские промышленные товары имели бы преимущество перед иностранными, например английскими. А американское сырье, вроде хлопка, было бы труднее вывозить, и оно шло бы на продажу не в ту же Англию, а на север США.

Интересы Юга были прямо противоположны. Плантаторам хотелось бы продавать свой хлопок тем, кто больше за него заплатит, и в этом смысле иностранцы были им милее, чем соотечественники. Да и вырученные деньги южане предпочитали тратить так, как им казалось правильным, и они решительно предпочитали делать закупки в той же Англии или во Франции, а вовсе не в Нью-Йорке или в Филадельфии.

Издавна известно, что «*наиболее чувствительным органом человека является его карман...*», и вскоре споры между Севером и Югом начали носить уже весьма напряженный характер. Так что меры президента Полка, который сумел ввести низкие тарифы, на Севере рассматривали как «*политику, благоприятствующую Югу...*», и считалось, что он смог добиться своего только потому, что число южных штатов было слишком велико, и поэтому в сенате их вес больше того, что им положено по праву. Соответственно, к увеличению числа штатов «*...южного пояса...*» после мексиканской войны на Севере отнеслись без всякого восторга. Почти немедленно возник вопрос – будет ли позволено рабовладение на новых территориях? Президент Полк считал это не заслуживающей внимания мелочью – завести рабовладение в пустынях Аризоны казалось ему делом совершенно непрактичным. На Севере так не думали – ведь помимо плантаций можно завести и шахты, не так ли? И преимущество дешевого труда будет на стороне Юга?

Было известно, что сам Джеймс Полк не собирается добиваться избрания на второй срок, и обе стороны, и Юг, и Север, считали важным добиться того, чтобы следующий президент в будущих спорах склонялся на их сторону.

Интересы Севера, если говорить о партийных предпочтениях, представляли виги. Они решили «*не дать президенту Полку назначить себе наследника...*» и с этой целью напали на него. Поскольку оспорить успех в войне с Мексикой было невозможно, оставалось атаковать слабый пункт: войну он готовил загодя и предлог для нее попросту изобрел. Так что выступление Авраама Линкольна было не случайным.

Оно было построено на платформе его партии.

III

«Отцы-основатели» США в мудрости своей разделили законодательные функции между конгрессом, представляющим население, и сенатом, представляющим штаты, и постановили, что конгрессмены избираются сроком всего на два года, в то время как сенаторы – на шесть лет. Замысел состоял в том, чтобы сенаторы были относительно независимы, а вот конгрессмены должны были, так сказать, пульс своих избирателей чувствовать непрерывно.

И Авраам Линкольн почувствовал этот пульс очень быстро. На его голову посыпалось такое количество поношений, которое никогда еще не выпадало на его долю.

То, что его клеймили газеты демократов, было предсказуемо – это входило в правила политической борьбы. Его речь, направленную против президента Полка, определили как *«гнусную, негодяйскую и предательскую...»*. Но, что было куда хуже, к речи плохо отнеслись и очень многие виги штата Иллинойс. Президент Полк, замыслив войну, должен был исходить из того, что у него под командованием имеется регулярная армия числом не больше 7 с половиной тысяч солдат, и по понятным причинам не все они могли быть задействованы.

Поэтому срочно формировались новые части, с идеей удвоить численность армии, и сделать это нужно было в самый короткий срок, а поскольку даже такая мера далеко не покрывала всех нужд, отдельным штатам было предложено поднять свою милицию, вплоть до наполнения общей квоты в 50 тысяч человек. Быстрее всех откликнулись на Юге – и потому, что оттуда было ближе к театру военных действий, и потому, что там было много людей, с детства умевших обращаться с оружием и ездить на коне, – но прибыли контингенты и с Севера. Один из самых больших таких контингентов составили добровольцы из Иллинойса, и им выступление конгрессмена Линкольна не понравилось до крайности. Линкольн оправдывался перед своими избирателями. Он говорил, что в принципе-то он поддержал национальные усилия и проголосовал за военные кредиты и, вообще, в качестве будущего президента видит героя мексиканской войны, генерала Захарию Тэйлора, видного вига. Так что единственный пункт, по которому он разошелся с президентом Полком, заключается в том, что тот изобрел предлог для войны и тем ввел в заблуждение конгресс.

Но нет, нет и нет – ничего ему не помогало.

Он еще и усугубил свою ошибку тем, что лично разослал чуть ли не 8 тысяч копий своей речи, отпечатанных за счет конгресса. Послания эти шли по всевозможным адресам в штате Иллинойс, как живые свидетельства того, что представитель народа, мистер Авраам Линкольн, имеет свое мнение по важному вопросу. По идее, это должно было способствовать дальнейшим политическим успехам этого представителя, но сработало в обратную сторону.

Линкольна, правда, похвалила газета «Бостон Геральд», зато «Норфолк Джорнэл» сообщила своим читателям, что от речи достопочтенного джентльмена, мистера Авраама Линкольна, редакцию буквально тошнит.

Что сказать? Все это было трудно назвать успехом. Будь Линкольн кандидатом на выборах в конгресс в 1848 году, его непременно бы прокатили. Ну, он своей кандидатуры не выставлял, следуя соглашению о ротации кандидатов партии вигов в его 7-м избирательном округе. Вместо него баллотировался его бывший партнер по юридической практике, Логан. Выборы он проиграл. Газета «Иллинойс Стэйт Реджистер» обвинила в этом Линкольна. Что было и вовсе плохо, так это результат президентских выборов. По правилам, каждый штат имеет право на такое число «выборщиков», которое составляет сумма числа его конгрессменов плюс голоса его сенаторов. Ну, сенаторов от каждого штата всегда двое, а вот количество конгрессменов варьируется в зависимости от количества жителей штата.

Опять-таки, по установленным правилам, *«...победитель получает все...»*. То есть, теоретически, выигрыш выборов с перевесом в один голос в штате с населением в несколько мил-

лионов отдает победителю все голоса всех выборщиков этого штата. Все усилия Авраама Линкольна во время его пребывания в Вашингтоне были направлены на то, чтобы на президентских выборах 1848 года победил кандидат от вигов, генерал Захария Тэйлор.

Победу в Иллинойсе одержал его противник, демократ.

IV

Авраам Линкольн был человеком с желанием выдвинуться – другие в политику не приходят. Надо полагать, он жестоко ощущал свою неудачу в Вашингтоне и, по-видимому, испытывал искушение несколько отойти в сторону. Во всяком случае, он поначалу не стал хлопотать для того, чтобы получить пост главы комиссии по общественным землям в Иллинойсе; это была должность, на которую назначало федеральное правительство, и она неплохо оплачивалась, ее обладателю полагалось 3000 долларов в год плюс немалое влияние на то, как, кому и по какой цене участки этих земель могут быть проданы.

Поскольку президентские выборы в США принесли победу генералу Захарии Тэйлору, кандидату вигов, то предполагалось, что он охотно поможет видным деятелям этой партии в смысле патронажа. Или даже и не столь видным – в Вашингтон поступали прошения о назначении на пост почтмейстера Спрингфилда на том основании, что заявитель уже давно принадлежит к последователям сенатора Клея и, следовательно, является вигом в душе.

Линкольн, по-видимому, не хотел ходатайствовать за себя и полагал, что пост главы земельной комиссии не стоит борьбы с коллегами-вигами, которые тоже могут претендовать на это место. Однако по ходу дела выяснилось, что важные члены партии в силу тех или иных обстоятельств не претендуют на это место и его планируют передать некоему мистеру Баттерфилду, крупному юристу из Чикаго. Линкольн буквально взбеленился. Он был знаком с Баттерфилдом, неплохо к нему относился, но совершенно искренне полагал, что в Иллинойсе есть еще шесть-семь дюжин людей с ничуть не меньшими заслугами перед партией вигов. А между тем Баттерфилд получил поддержку самого сенатора Генри Клея, в то время как про Авраама Линкольна, бесстрашно бросившегося в бой за дело вигов, совершенно забыли.

Баттерфилд не двинул и пальцем для того, чтобы помочь избирательной кампании Тэйлора, – разве не очевидно, что назначение такого человека нанесет ущерб партии и будет большой политической ошибкой со стороны президента? И Линкольн кинулся писать письма всем людям в Вашингтоне, кто только мог, по его мнению, помочь его собственному назначению. Поскольку все надо было делать очень быстро, он даже прибег к помощи жены – некоторые письма написала она, а он их только подписал. И он действительно умудрился задержать назначение Баттерфилда на целых три недели. Это дало ему возможность лично съездить в Вашингтон для поддержки своего ходатайства.

К сожалению, Баттерфилд сделал то же самое.

В принципе стандартной практикой назначений был обычай, по которому каждый член кабинета сам подбирал себе сотрудников. Земельными делами в правительстве президента Тэйлора ведал министр по фамилии Эвинг. Он с самого начала склонялся к кандидатуре Баттерфилда, но на всякий случай запросил мнение вигов Иллинойса. Ну, многие ему написали все, что думали, – и он решил вопрос. Мистер Авраам Линкольн сильно поспособствовал тому, что Захария Тэйлор проиграл выборы в штате Иллинойс и благодарности президента не заслуживал. Линкольну отказали. Это была неудача, может быть, еще и похуже фиаско в Вашингтоне. Там в интересах партии он сделал нечто, его не одобрили его избиратели, и это стоило ему дорого. А сейчас люди, для которых он так старался, отказали ему в прошении и предпочли человека, который политически был никем. Линкольн чувствовал себя оскорбленным.

С политикой для него было покончено.

Один из трех лучших юристов Иллинойса

I

Уголовное дело об убийстве, которое слушалось в окружном суде графства Сагамон в 1858 году, вызвало огромный интерес публики. Интерес был, конечно же, не в самом деле – мало ли поножовщины случалось в штате Иллинойс, – а в том, что обвиняемого, некоего Уильяма Даффа Армстронга, защищал один из трех лучших юристов штата, мистер Авраам Линкольн.

Со времени его неудачи в Вашингтоне прошло уже около 10 лет. Все время с 1849 года и по 1854-й он посвятил только одному – занятию своей профессией. Партнерство с Билли Херндоном продолжалось, и Билли по-прежнему оставался младшим партнером, хотя заработок их юридической фирмы они теперь делили пополам. Обязанности тоже делились примерно пополам – Билли проводил все предварительные разыскания и по большей части оставался в Спрингфилде, в офисе фирмы. Выступления в суде и всевозможные разъезды доставались на долю его старшего партнера, Авраама Линкольна, и обе стороны были довольны своим сотрудничеством. Компания «Линкольн и Херндон» бралась за многие дела, запрашивала недорого, часто выигрывала, и у нее не было отбоя от клиентов.

Известность фирме приносила и репутация ее старшего партнера, Авраама Линкольна. Было известно, что однажды, получив от клиента чек в 25 долларов, он вернул ему 10 со словами: «Это слишком много». Такие слова от юристов люди слышали не часто. Так что, вполне возможно, фирма потеряла 10 долларов в гонораре, но выиграла куда больше с точки зрения рекламы. Случай с частично возвращенным гонораром стал широко известным.

Куда менее известным был тот факт, что Авраам Линкольн, находя свои умственные способности недостаточными и полагая, что их можно укрепить упражнениями, прочел математические труды Евклида и не успокоился, пока в них не разобрался. Репутация фирмы росла, и примерно с середины 1850-х Линкольн и его партнер все чаще работали уже не с частными лицами, а с корпорациями. Это было намного выгоднее, а заботы о гонораре были важны, потому что никаких других источников дохода у Линкольна не было. Как правило, он занимался делами, связанными с собственностью, и по уголовным делам в суде не выступал. Однако за дело Уильяма Армстронга он все-таки взялся и при этом отказался от всякого вознаграждения. Собственно, с клиента нечего было и взять – он был из бедной семьи. Но за него попросила его мать – Авраам Линкольн знал ее покойного мужа еще со времен Нью-Сэйлема, они даже дружили в ту пору. Он посмотрел материалы дела – и взялся за защиту. Обстоятельства, надо сказать, не благоприятствовали его клиенту. Он безусловно участвовал в пьяной драке, которая кончилась убийством.

Обвинялись двое – некто Норрис, который ударил убитого поленом по голове, и Уильям Армстронг, который якобы использовал какую-то железку. Считалось, что смертельный удар нанес покойному именно Уильям Армстронг. Имелся свидетель обвинения, который это видел. Свидетелей защиты не нашлось.

Делу предстояло разбирательство в суде.

II

Адвокат Уильяма Армстронга, несмотря на свою громкую репутацию, вел себя скромно. На взволнованную речь обвинения ответил сдержанно, сказав только, что полностью согласен с

высокими принципами общественного блага и поддержания порядка, на которые ссылается его оппонент. И сожалеет о поведении своего подзащитного, который, вне всяких сомнений, действительно участвовал в пьяной драке. Сожалеет об этом и сам подзащитный, однако виновным в убийстве себя не признает.

Далее обвинение вызвало своего свидетеля. Тот во всех подробностях описал то, что он видел – и как завязалась драка, и как она шла, и кто ударил кого, в каком порядке, и чем. Он видел, сказал свидетель, как обвиняемый ударил жертву чем-то острым прямо в глаз, и на этом все и кончилось. Обвинение прекратило допрос свидетеля, и теперь, согласно правилам перекрестного опроса свидетелей, настала очередь защиты.

Мистер Авраам Линкольн был вежлив и предупредителен. Он задал свидетелю только один вопрос, который мог поставить его показания под сомнение: каким образом очевидцу удалось разглядеть все происходящее в таких подробностях, если драка происходила ночью и смотрел он на нее с изрядного расстояния?

Свидетель поспешил развеять сомнения защиты. Он сказал, что в ту памятную ему ночь ярко светила луна и что ему было видно все как на ладони. Адвокат подсудимого выразил свое полное удовлетворение таким ответом и начал задавать другие вопросы. Все они относились к подробностям драки, уже описанным свидетелем, так что тот отвечал на них охотно и подробно. Линкольн слушал свидетеля, не перебивая его ни на минуту. Каждый раз, когда показания по определенному пункту заканчивались, он спрашивал свидетеля – видел ли он все это сам? *«Это было ночью, но луна светила ярко?»* – спрашивал Линкольн. Каждый раз он получал полное подтверждение – да, свидетель все видел собственными глазами. *«Но ведь убийство произошло еще в 1857 году, а сейчас уже 1858-й. Не изменяет ли свидетелю память?»* – спрашивал адвокат. *«Нет, не изменяет»*, – отвечал свидетель, он все помнит совершенно отчетливо. *«Можете ли вы в этом поклясться?»* – спрашивал адвокат.

«Да, конечно, – отвечал ему свидетель. – И да поможет мне Бог!»

Судебное слушание, разумеется, шло по правилам, установленным для суда присяжных, и допрос свидетеля продолжался достаточно время для того, чтобы в умах членов жюри сложилось полное впечатление того, что свидетель уверен в своих словах настолько, насколько может быть уверен в этом только очевидец, который и описывает суду случившееся так, как он его видел собственными глазами.

После этого мистер Авраам Линкольн полез в карман своего длиннополого сюртука, долго там рылся и наконец вытащил оттуда довольно потрепанную книгу. Это был местный альманах выпуска 1857 года, содержащий в себе массу сведений, полезных для фермеров. В частности, там содержались сведения о фазах луны за весь год, и согласно альманahu в то время, когда убийство произошло, луна не светила совсем. Хохот, разразившийся в зале, трудно даже описать. Судья напрасно стучал своим молотком, призывая к восстановлению порядка, – жюри присяжных хохотало вместе с залом, да и самому судье приходилось сильно напрягаться, чтобы сохранить серьезность, – у него самого от смеха текли слезы по щекам. Судебное заседание, собственно, можно было закрывать сразу.

Согласно правилам сомнение толковалось в пользу обвиняемого, а вину следовало доказать так, чтобы не было *«reasonable doubt»* – *«разумного сомнения»*.

Уильям Армстронг был оправдан и освобожден из-под стражи прямо в зале суда.

III

Понятно, что не все дела юридической компании Линкольна выигрывались в таком ярком театральном стиле, как то, что было описано выше. Случалось, что они и вовсе не выигрывались, – но, тем не менее, выигрывались достаточно часто для того, чтобы к нему обращались

все более и более платежеспособные клиенты. Вот их-то дела и создавали фирме репутацию – на карту, как правило, ставились существенные интересы и очень существенные деньги.

В 1851 году к услугам Линкольна прибегла компания, проложившая железную дорогу через графство Сангамон, которая включила центр Иллинойса в общую сеть железнодорожного сообщения от Бостона и до Миссисипи. Суть дела состояла в том, что один из крупных акционеров дороги, некто Джэймс Баррет, отказался выплатить те деньги, что он обещал внести, на том основании, что правление железной дороги изменило ее трассу вопреки его возражениям.

Баррет владел четырьмя с лишним тысячами акров в местах, через которые по первоначальным планам должна была пройти дорога, и он надеялся, что тогда ценность его земли сильно возрастет. Но поскольку трассу из соображений стоимости прокладки дороги сместили в сторону, он остался ни с чем и в связи с этим платить за купленные им акции железной дороги не пожелал.

Дело было действительно важным.

Как сказал Линкольн в своем общем обращении к суду: «...если мистер Баррет будет признан правым, то решение суда в его пользу установит прецедент, согласно которому акционеры будут в состоянии нарушать подписанный ими ранее контракт по покупке акций ...»

Верховный суд штата Иллинойс принял аргументы Авраама Линкольна и решил, что акционеры не должны нарушать взятые на себя обязательства. Они, разумеется, вправе продать свои акции, но не вправе отказываться платить за уже купленное.

Этот успех привел к тому, что к Линкольну обратились уже из правления могущественной Иллинойсской Центральной железной дороги. У них возникла проблема, связанная с налогами. Для поощрения строительства дорог, оживлявших коммерцию, штат даровал Иллинойсской Центральной железной дороге освобождение от всех налогов, кроме ежегодного платежа за лицензию («чартер»). Но графство Маклин оспорило это решение и в пределах границ графства обложило дорогу налогом на недвижимость.

Дело слушалось в Верховном суде штата в 1854 году. Графство Маклин представляли бывшие партнеры Линкольна по юридической практике, Логан и Стюарт, так что у него были сильные оппоненты. Спор затянулся и был окончательно разрешен только в 1856 году. Победил Линкольн, доказавший, что штат имеет право освобождать земельную собственность от местных налогов, даже если отдельные графства с этим несогласны, ибо закон штата стоит выше местных установлений. В подтверждение этого правила были привлечены примеры из юридической практики штатов Нью-Джерси, Мэриленда, Алабамы, Индианы, Миссисипи и Южной Каролины – и суд не стал дальше спорить. Дело было успешно решено, оставалось только уладить вопросы гонорара. По установившемуся обычаю, юрист имел право требовать гонорар, увязанный со «стоимостью вопроса...», и Линкольн запросил две тысячи долларов. Ему отказали.

Управление железной дороги сообщило своему юристу, что он требует ставку, не соответствующую его статусу, и попросило пересмотреть счет. Он так и сделал и представил новый счет, в котором требовал уже не две, а пять тысяч долларов. А когда ему отказали еще раз, обратился в суд. Дело слушалось в суде того самого графства Маклин, с которым управление железной дороги уже судилось, как раз пользуясь советами Авраама Линкольна. Суд рассмотрел иск Линкольна, в котором, во-первых, было документально доказано, что его услуги сэкономили Иллинойсской Центральной железной дороге примерно полмиллиона долларов, во-вторых, что подобные же иски других графств штата Иллинойс разорили бы дорогу полностью.

Суд решил дело в пользу Линкольна – и управление дороги не стало это решение оспаривать в следующей инстанции. Было решено, что услуги мистера Линкольна стоят столько, сколько он за них запросил, ибо он, бесспорно, один из трех лучших юристов штата Иллинойс. И коли так, то правление будет обращаться к нему и дальше. А возникший спор, ну что же, это

«*strictly business, nothing personal*» – «*просто бизнес, ничего личного*». Иллинойсская Центральная железная дорога в конце концов занимается бизнесом.

Она готова платить за высокую квалификацию.

Стивен Дуглас как государственный деятель

I

Стивен Дуглас был, право же, одаренным человеком. Точно так же, как и Линкольн, он попал в Иллинойс со стороны, только что приехал из Вермонта, а не из Индианы, и точно так же, как Линкольн, начинал с низов. Положим, не лесорубом, а учителем, но, тем не менее, собственных средств у него не было никаких, и успехом он был обязан исключительно своим собственным талантам. Точно так же, как и Линкольн, он сочетал юридическую деятельность с политической, только делал это не в пример успешнее. Пиком его карьеры в Иллинойсе был пост государственного секретаря этого штата, а дальше уж его горизонты стали пошире, и он ориентировался на политику в Вашингтоне, а не в Спрингфилде. После двух сроков в палате представителей конгресса в 1846-м он был избран в сенат и сразу же оказался там влиятельным человеком. У него был редкий дар распутывать самые запутанные узлы и находить решения для не решаемых вроде бы вопросов.

Сразу после войны с Мексикой возник острейший вопрос – как организовать захваченные новые территории? Ключевым моментом тут был вопрос о том, можно ли вводить рабство в новых штатах, которые будут там образованы?

Южные штаты были категорически «за», северные штаты были категорически «против», поселенцы в Калифорнии требовали немедленного предоставления им статуса штата, при этом рабство в Калифорнии было запрещено по все еще остающемуся в силе законодательству Мексики – и получалось, что Калифорния станет новым штатом, свободным от рабства. В общем, страсти разгорелись нешуточные.

В 1847 году голосующая сила Севера в палате представителей уже сильно превышала силу Юга. Число представителей штата в нижней палате конгресса зависело от численности населения штата. Так вот, на Севере и населения было намного больше, и в зачет шли все жители штата. А на Юге полный голос имели только белые, а рабы учитывались довольно своеобразно – их владельцы получали как бы «кредит» в $\frac{2}{3}$ голоса за каждого раба, которого они имели, и суммарное число добавлялось к населению избирательных округов. Ясно, что в этом случае южане получали в конгрессе больше голосов, чем им было бы положено по числу реально голосующих, но меньше, чем им было бы положено, если бы негров считали людьми, а не абстрактными $\frac{2}{3}$ человека.

Таким образом, все политическое влияние Юга в спорах с Севером держалось только на том факте, что в том же 1847 году в союз входило 15 рабовладельческих штатов и всего 14 штатов, свободных от рабовладения. В сенате у Юга было большинство, и всякую попытку увеличить число «свободных штатов» там воспринимали как *«агрессию Севера с целью подавить исконные свободы...»*. Влиятельные сенаторы Юга заговорили об отделении от Союза, попирающего их права.

Новый президент, генерал Захария Тэйлор, избранный на место президента Полка, сухо сообщил, что в этом случае он *«повесит мятежников, в точности так, как он вешал дезертиров...»*. И добавил, что мера эта будет применена и к сенаторам. Ему, надо сказать, поверили.

В ходе недавно закончившейся войны с Мексикой из армии США дезертировало и перешло на сторону врага столько ирландцев-католиков, что мексиканцы сформировали из них отдельный батальон. Так вот, генерал Тэйлор в случае, если они попадали в плен к американцам, без всяких разговоров их вешал. В общем, неизвестно, до чего дошло бы дело, если бы не два дополнительных обстоятельства. Во-первых, президент США Захария Тэйлор, грозивший

мятежным сенаторам виселицей, внезапно умер. Во-вторых, глава партии вигов Генри Клей нашел выход. Он предложил некий компромисс.

II

Проблема, собственно, была не нова, как, впрочем, и ее разрешение. По мере продвижения западной границы возникали новые штаты, и надо было как-то решать вопросы их баланса, чтобы уравновесить интересы и рабовладельческих, и «свободных» штатов. И вот в 1820 году было достигнуто соглашение, которое получило название «миссурийский компромисс» – штат Миссури был принят в Союз как рабовладельческий, а штат Мэн – как свободный.

На будущее было решено, что рабство запрещалось только севернее 36°30' с. ш. и западнее р. Миссисипи. Было решено в дальнейшем принимать в Союз по два штата, из которых один должен быть свободным, а другой – рабовладельческим.

Поскольку с Калифорнией получалась накладка, сенатор Клей предложил политический компромисс: Калифорния все-таки допускалась в Союз в качестве свободного штата, закон новых штатов, Юта и Нью-Мексико[1], предоставлял решение этого вопроса населению, но Югу была сделана важная уступка. В «миссурийском компромиссе» был так называемый раздел номер восемь, который гласил следующее:

«...Настоящим устанавливается, что на территории, уступленной Францией Соединенным Штатам под названием Луизиана, которая находится к северу от тридцати шестого градуса тридцати минут северной широты и не включена в пределы штата, рассмотренного этим актом, навсегда запрещаются рабство и подневольный труд, кроме случаев наказания за преступление, о чем заинтересованные стороны должным образом оповещаются. Определено, что всегда, когда на данную территорию проникает человек, избегающий законно признаваемых в любом штате и территории Соединенных Штатов подневольного труда или службы, этот человек должен быть законным образом задержан и передан человеку, требующему от него вышеупомянутой работы или службы...».

Так вот, согласно соглашению, предложенному Генри Клеем, новые территории севернее установленной черты оставались свободными, но зато подтверждалось, что бежавших на эти территории рабов полагалось выдавать обратно. Южане долго настаивали на том, чтобы беглецов, достигших Севера, возвращали на Юг. Это вызывало острейшие разногласия: северяне полагали, что рабство на Юге есть неискоренимое зло, и, за редкими исключениями, особо с ним не боролись, но выдавать уже достигших их границ беглецов не хотели. Дело доходило до вооруженных конфликтов с охотниками за беглыми рабами, и тогда приходилось вмешиваться федеральной власти. В общем, Юг оценил уступку положительно.

Но, тем не менее, «компромисс 1850-го» все никак не мог пройти через сенат, достаточного большинства никак не набиралось. И тогда Стивен Дуглас, совсем молодой сенатор первого срока, предложил замечательное решение – он поделил проект законодательства, предложенный Генри Клеем, на несколько частей. Люди, которые всей душой поддерживали статус штата для Калифорнии, ни за что не проголосовали бы за возвращение беглых рабов их владельцам – и наоборот, конечно. И оказалось, что по каждой из этих отдельных частей все-таки можно собрать большинство – только каждый раз оно собиралось из разных элементов электората.

Это искусство Стивена Дугласа оказалось высоко оценено.

Он легко выиграл новые выборы в сенат, и даже стал председателем комитета сената по устройству новых территорий, то есть лицом влиятельнейшим. И вот однажды Дугласу пришла в голову хорошая идея.

В его родном штате, Иллинойсе, железнодорожные компании очень интересовались проведением линий от Чикаго в направлении к Калифорнии. Потенциальная трасса лежала через

территорию Небраски и Канзаса. Но решить вопросы с отведением под нее земли могло решить только федеральное правительство, потому что штатов на этой территории еще не было. Для поддержки проекта Стивену Дугласу было необходимо получить голоса южных сенаторов – иначе дело не выходило. За помощь они запросили высокую цену, и Дуглас пообещал им попробовать ее уплатить.

Он инициировал в сенате так называемый «Акт Канзас – Небраска».

III

Закон Канзас – Небраска (англ. Kansas – Nebraska Act), который был предложен Стивеном Дугласом и в мае 1854 года принят конгрессом, предоставлял населению территорий Канзас и Небраска самостоятельно решить вопрос с узакониванием или запретом рабовладения. Звучало это все невинно – ну, действительно, почему бы населению новых территорий самому не решить, какое политическое устройство подходит ему больше? Но поскольку обе эти территории лежали севернее разделительной черты, то получалось, что Акт отменял компромисс 1820 года?

Да, дело обстояло именно так.

Канзас и Небраска приравнивались к Нью-Мексико и Юте – рабовладение делалось там в принципе возможным, все зависело от «*выбора населения...*». Это и была та цена, которую требовали от Дугласа его партнеры, влиятельные сенаторы Юга, и он согласился ее уплатить, прекрасно понимая, что это вызовет бурю. Какими мотивами руководствовался Стивен Дуглас, мы, конечно, знать не можем, а можем только гадать. В принципе можно предположить общественный интерес: железнодорожная связь бурно развивающегося Чикаго с не менее бурно развивающимся Сан-Франциско должна была сильно оживить коммерцию в обоих регионах. Иллинойская Центральная железная дорога должна была крупно на этом заработать, а сенатор Дуглас к этому времени был уже весьма состоятельным человеком, и в числе его прочих деловых интересов был и немалый пай как раз в этой компании.

Он мог вполне искренне хотеть помочь Югу и дать ему некую компенсацию за «потерю Калифорнии». В 1847-м он женился на юной красавице из состоятельной южной семьи и получил за ней в качестве приданого долю в обрабатываемой рабами плантации в штате Миссисипи. Положим, ему пришлось устроить так, что непосредственно к плантации он отношения как бы не имел – ему, в его положении сенатора от свободного штата Иллинойс, это было бы неудобно.

У желания сделать одолжение сенаторам Юга могли быть и другие, не столь очевидные побуждения. Стивен Дуглас был человек расчетливый и дальновидный. Однажды он сделал широкий жест – подарил под застройку баптистского колледжа участок земли в лучшей зоне Чикаго. О его щедрости заговорили по всему штату – Стивен Дуглас сделал городу поистине царский подарок[2]. Потом, правда, оказалось, что ему принадлежат и другие участки, прилегающие к будущей застройке, и что их цена в результате дара почти удвоилась, даритель очень неплохо заработал на своем порыве к добру, но это все выяснилось потом.

Так вот – дружеское внимание к запросам важных людей, представлявших в сенате штаты Юга, могло оказаться очень полезным козырем в случае, если бы сенатору Стивену Дугласу однажды пришла бы в голову мысль попытать удачи в президентской гонке. Как бы то ни было, Стивен Дуглас сделал свой выбор, внес законопроект в конгресс и очень поспособствовал его принятию.

«Акт Канзас – Небраска» сыграл роль спички, брошенной в лесу во время засухи. Такая спичка начинает пожар.

Примечания

1. Соглашение, таким образом, давало возможность экспансии рабовладения на территории Нью-Мексико и Юты, граничащих с востока с Калифорнией, – но не севернее. Там началась территория Орегон, и она была заранее расписана как место для свободного штата или штатов.

2. Этот участок оценочно стоил 50 тысяч долларов, что в 10 раз превышало гонорар, который Авраам Линкольн запросил у Иллинойсской Центральной железной дороги и который правление сочло непомерным.

Рождение новой партии

I

Сторонников «аболиционистов» в США по-русски, наверное, следовало бы звать «отменяльщиками». Английское слово «abolitionism» пошло от латинского «abolitio», «отмена», и означало движение, добивающееся отмены какого-либо закона. Ну, в случае США второй трети XIX века это означало отмену закона о рабстве. Движение это было импортировано из Англии, где оно зародилось уже давно и преуспело настолько, что рабовладение там было запрещено.

И даже более того. Давление общественного мнения вынудило английское правительство заняться борьбой с работорговлей. К работорговцам в Англии через некоторое время и вовсе стали относиться как к пиратам, и грозный флот Великобритании, в ту пору истинной «Владычицы морей», вымел их со всех морей.

В США к 30-м годам XIX века они такими успехами похвастаться не могли, но, тем не менее, издавали свою газету «Liberator» – «Освободитель» и оформились в Американское общество борьбы с рабством. Они не были едины. То есть рабство-то все аболиционисты универсально считали злом – проблема была в том, что делать дальше. Тут их мнения расходились, образуя полный спектр от мирной просветительской деятельности и до вооруженной борьбы. По понятным причинам аболиционисты могли действовать открыто только в свободных штатах, но, надо сказать, их и там не очень-то жаловали. Их винили в том, что их идеи ставят под угрозу союз Севера и Юга, а к тому же и противоречат Конституции США [1].

Понятно, что аболиционисты, принципиальные противники рабства, встретили «Акт Канзас – Небраска» в штыки – но теперь, в 1854 году, их стали слушать куда внимательнее. Проповеди на тему «человек человеку – брат» имели хождение разве что в благочестивых общинах квакеров где-нибудь в Пенсильвании или в среде интеллигенции в штате Массачусетс.

В свободных штатах вроде Иллинойса на все это плевать хотели – негров там не любили. Но фермеры, тяжким трудом поднимавшие новые земли, считали, что само по себе наличие рабовладения унижает их достоинство как свободных людей, потому что получается, что они делают ту же работу, которую в рабовладельческих штатах делают негры, сведенные до положения домашнего скота.

К тому же во всех штатах Севера, примыкающих к западной границе, было сильно движение «free soil» – «фри-сойл», «свободная почва». Идея тут была простой и понятной – земли на западе много, и она принадлежит тому, кто поливает ее потом. Томас Линкольн, отец Авраама Линкольна, был как раз таким «фри-сойлером» – только он об этом и не подозревал, а просто принимал как свое естественное право.

Для людей такого типа казалась невыносимой сама мысль о том, что в Канзасе, то есть сразу на запад от Иллинойса, им перейдут дорогу богатые люди, с деньгами и с рабами, и отнимут у них их будущую землю, их еще не полученное добро.

Наконец, где-то в 1840-х и 1850-х годах возникла партия «Know Nothing» «Ничегоне-знаю». Можно сказать – партия «ничегонезнаек»? Название получилось следующим образом – партия была секретной, и на вопрос о ее деятельности полагалось отвечать: «Ничего не знаю». Это было националистическое движение, в его ряды принимали только тех, кто был рожден в США, был протестантом и при этом происходил из Англии или Шотландии. Католиков-иммигрантов полагалось искоренять, ибо они *«враждебны американским ценностям и управляются Папой римским...»*. Может быть, в наши дни где-нибудь в России их бы считали «партией

борьбы с понаехавшими». Они действовали не только на Севере, но и на Юге, но в силу множества причин нищие ирландцы-католики оседали главным образом в Нью-Йорке, а немецкие иммигранты, все больше фермеры и тоже католики, двигались на запад, куда-нибудь в Иллинойс, – и встречали там серьезное сопротивление.

Возможность введения рабовладения в Канзасе не нравилась ни иммигрантам, ни «ничегонезнакам» – это уменьшало их шансы на получение там земли. Но стороны ненавидели друг друга и договориться об общей программе не могли. Разобщенная и бестолковая оппозиция «Акту Канзас – Небраска» шумела на митингах – толку от этого шума не было никакого.

Так все и шло – вплоть до октября 1854 года.

II

Сенатор от Иллинойса Стивен Дуглас был умным человеком. Результаты местных выборов, прошедших в Иллинойсе, его не обрадовали, и он решил *«разъяснить свою позицию...»*. В течение двух месяцев, с начала августа и до начала октября 1854 года, он колесил по штату, выступая на политических митингах. Любимой темой у него было поношение аболиционистов – в Иллинойсе их, в общем, не любили. Иногда можно было покритиковать и «ничегонезнаек» – это зависело от населения округа. Если там было много новых иммигрантов, то такого рода критика собравшейся аудиторией воспринималась очень позитивно. Но главным мотивом выступлений сенатора было прославление исконно американского принципа самоуправления – пусть жители Канзаса и Небраски сами определяют форму устройства своих штатов, не спрашивая мнения федеральных властей. И не надо беспокоиться о том, что они могут выбрать рабовладельческий строй, – во-первых, это их дело, во-вторых, природные условия не таковы, чтобы рабовладение имело тут какие-то преимущества.

По доброй американской традиции оратору полагалось выслушать и возражения. Но своих обычных оппонентов Стивен Дуглас громил легко, они не могли с ним тягаться. Митинг в Спрингфилде 3 октября прошел как обычно, но был прерван проливным дождем и перенесен на следующий день, на этот раз под крышу здания палаты представителей. Дуглас договорил свою речь, был вознагражден бурными аплодисментами и на следующий день пришел выслушать возможные возражения.

Слово на этот раз взял известный местный юрист, мистер Авраам Линкольн.

Начал он издали – сказал, что ничуть не сомневается в добрых намерениях сенатора Дугласа. Дальше, однако, он перешел к критике и сказал своим слушателям, что все разговоры о том, что рабовладение не найдет себе применения в Канзасе, – это так, «колыбельная», ее и поют-то для того, чтобы дети заснули. Канзас мало чем отличается от северной части штата Миссури, – а там рабовладение цветет. И получается, что новые поселенцы, которые двинутся в Канзас и Небраску из Иллинойса, столкнутся там с поселенцами из Миссури. И понятно, что с их деньгами и с их рабами лучшие земли достанутся именно им, и тогда конец свободному фермерскому земледелию. Дальше Линкольн перешел к любимой теме Дугласа – священной воле местного населения избирать себе ту форму правления, которая ему подходит. Он сразу же согласился с тем, что действительно, местные законы подходят для местных условий, и если в Виргинии с ее протяженным атлантическим побережьем есть смысл регулировать добычу устриц, то в Индиане это совершенно ни к чему. Но вопрос о рабстве носит другой характер, и его решение зависит от того, *«признается ли негр человеком...»*.

И дальше Линкольн сказал, что вот тут-то и есть критический пункт его разногласий с сенатором Дугласом. Они согласны в том, что рабовладение в США существует и что, по видимому, это прискорбный факт, с которым приходится как-то сосуществовать. Но само по себе рабство неприемлемо с моральной точки зрения, потому что *«ни один человек не может быть так хорош, чтобы править другим без его согласия...»*. И дальше он начал громить довод

Дугласа о том, что «отцы-основатели», закладывая фундамент нового государства, не упоминали отмену рабства как необходимость. Линкольн утверждал, что они много чего не упоминали, – например, необходимость исцеления рака, – но можно ли сомневаться, что революционеры, провозгласившие самоочевидной истиной равенство всех людей, сделали бы исключение из этого правила, например для хромых? Конечно же нет? Если так, почему негры исключены из сословия людей и приравнены к животным, которых можно покупать и продавать?

И Линкольн вернулся к своему вопросу: «...признается ли негр человеком...»?

III

Нельзя сказать, что эффект его речи сказался немедленно. Уже на следующий день Линкольна в пух и прах разнесли в газете «Register», издаваемой соратниками Дугласа: на видном месте была помещена как бы эпитафия, посвященная бывшему конгрессмену, Аврааму Линкольну, который похоронил сам себя, сказав нечто уж совсем несообразное с логикой. Но другие люди посмотрели на это совсем иначе. Линкольну его политические друзья посоветовали ездить вслед за Дугласом и на каждом митинге, где тот будет выступать, говорить то же. Линкольн так и сделал. И чем больше Стивен Дуглас старался объяснить избирателям свою точку зрения, тем больше он способствовал тому, что слушали и Линкольна, – и его речь встречала нечто большее, чем одобрение.

Она произвела эффект кристаллика, брошенного в перенасыщенный соляной раствор, – вокруг нее начался процесс политической кристаллизации. Постановка вопроса, сделанная Линкольном, переводила разговор о распространении рабовладения на территорию Канзаса и Небраски на уровень морали, и при этом так, что не предполагалось никаких крайностей, вроде освобождения рабов в штатах Юга. Коли так, то появлялась точка зрения, с которой могли согласиться и аболиционисты, и «фри-сойлеры», сторонники свободного фермерского земледелия, и «ничегонезнайки», и новые иммигранты-католики: действительно, разве негры не люди?

Как оказалось, не обязательно признавать их равными – пункт, который отвергался всеми, кроме аболиционистов, – достаточно признать их людьми. И все, вопрос о распространении рабовладения на новые территории снимался сам собой.

Из этого положения вещей были сделаны определенные выводы – Линкольна ввели в состав правления новой партии, названной республиканской, причем сделано это было не только без его просьбы, но даже и без его согласия.

В графстве Сагамон, к которому относился Спрингфилд, Линкольна избрали в законодательное собрание штата Иллинойс чуть ли не со 100 %-ным результатом. Он, однако, заявил самоотвод, и не из излишней скромности, а потому, что у него появилась цель куда как покрупнее – предстояли выборы нового сенатора, и у Линкольна были большие шансы на успех. К сожалению, ничего из этого не вышло. Пост сенатора доставался тому, кто сумел бы набрать необходимое большинство среди членов палаты представителей Иллинойса – и против кандидатуры Линкольна восстали абсолютно все сторонники партии демократов, даже те, кто был согласен с ним в отношении «Акта Канзас – Небраска».

В итоге он подошел на волосок к достижению заветной цели, но все-таки не достиг ее, понял, что стать сенатором уже не сможет, и в такой ситуации сделал смелый политический ход – по просьбе Линкольна его сторонники проголосовали за кандидата от демократов, стоявшего за отмену Акта. Авраам Линкольн был политиком и знал, что благодарность в политике – продукт скоропортящийся. Так что на признательность со стороны победителя он не рассчитывал. Но избрание человека, стоявшего против Стивена Дугласа, бесспорного лидера демократов Иллинойса, вносило раскол в демократическую партию и лишало Дугласа союзника в будущих заседаниях сената. Пожалуй, можно допустить и ту мысль, что сама по себе возможность

причинить неприятность Стивену Дугласу не была Линкольну неприятной. Он был человеком вовсе не злым, и не сказать, чтобы мстительным. Но все-таки Дугласа он очень не любил.

IV

На съезде редакторов газет, выступавших против «Акта Канзас – Небраска», был только один человек, не относившийся к газетчикам. Звали его Авраам Линкольн, и свою речь он начал с того, что рассказал об истории, якобы с ним произошедшей. Выступал он на митинге, и тут одна пожилая дама, сидевшая в первых рядах, сказала ему, что он – «...самый неприбранный и непригожий джентльмен из всех, кого она когда-либо видела...». Ну, Линкольн сказал ей, что ему очень жаль, но, к сожалению, поправить тут он ничего не может. Его внешность, такая, какая она есть, ему дана и от него не зависит.

«Да, – согласилась его собеседница, – думаю, что так и есть. Но почему бы вам не бросить выступления с речами и не остаться попросту дома?»

Аудитория наградила оратора смехом и рукоплесканиями. Газетчики – люди ушлые, и они ценили острое словцо. Тем более что Линкольн для описания своей неприглядности использовал слово «homely» – простой, пресный, неухоженный, скучный, у которого один корень со словом «home» – родной дом, в значении собственного очага. По-русски так не скажешь, но аудитория у Линкольна была англоязычная, и ей он угодил.

Ну, когда публика отсмеялась, начались уже разговоры о деле. Было принято решение добиваться отмены «Акта Канзас – Небраска» и настаивать на восстановлении компромисса, достигнутого в 1850 году. За словами последовали и действия. 25 мая 1856 года в Иллинойсе была организована республиканская партия. Собственно, партия с таким названием уже как бы была, но число ее сторонников было маленьким, и влияния она не имела.

Сейчас, в мае 1856 года, все было иначе.

Все, кто был недоволен «проектом Стивена Дугласа», нашли наконец общий дом и назвали его республиканской партией. Политическая платформа партии была выстроена так, чтобы «собрать под один шатер...» максимальное количество людей. С одной стороны, твердо говорилось, что ни религия, ни место рождения не имеют никакого значения, – и это заявление грело души немцев и ирландцев. С другой стороны, утверждался приоритет общественных школ перед частными религиозными школами, что снимало опасения «ничегонезнаек» перед «разрушающим проникновением папизма...».

Но, понятное дело, главным пунктом был вопрос об аморальности рабства. Тема педалировалась на все лады. Когда в южных газетах сравнили участь раба, старость которого была обеспечена, с участью белого работника на Севере, который вполне мог умереть в глубокой нищете, это было интерпретировано как призыв к введению рабства и для белых.

Страсти раздувались еще и новостями, приходившими из Канзаса. В старое время потоки переселенцев с Юга и потоки переселенцев с Севера никогда не пересекались. Миграция в общем шла на запад от исходных, «родительских» штатов и двигалась вместе с границей. Сейчас в Канзасе эти потоки не только встретились, но и столкнулись. Поскольку никаких кадастров земельной собственности создано не было, споры решались револьвером и ножом Боуи[2].

А это такая штука, что может быть длиной сантиметров в 30 и уж скорее напоминает меч. Так что бои в Канзасе разгорались нешуточные. Линкольн говорил, что «в Канзасе насилие рождает насилие...», и он ничуть не преувеличивал остроты проблемы. Обе стороны – и сторонники свободных земель для ферм, и сторонники плантаций и рабовладения – начали организовываться в вооруженные отряды. Им, конечно, всячески помогали, и не только материально, политические битвы шли в обеих палатах конгресса. Обе стороны – и Юг, и Север – обвиняли друг друга в вероломстве. Помимо этой грызни, дело осложнялось еще и тем, что на 1856 год приходились президентские выборы.

У республиканской партии серьезных шансов на выборах не было.

Примечания

1. Конституция решение этого вопроса действительно оставляла на усмотрение отдельных штатов – иначе бы Союз попросту не состоялся.

2. Нож Боуи – крупный нож с обухом, на котором у конца выполнен специальный скос, имеющий форму дуги («щучка») таким образом, чтобы острие клинка было направлено немного вверх. Зачастую эта часть обуха затачивается; многие ножи Боуи имеют крестовину. Нож назван по имени изобретателя – Джеймса Боуи, героя тexasской революции.

Выборы как метод ведения войны

I

Президентская кампания выборов в США идет как бы в два этапа – сначала подсчитываются голоса избирателей по каждому штату отдельно и определяется, кто же из выставленных кандидатов победил в этот раз. Потом победитель получает голоса так называемых выборщиков от каждого штата. Их число равно числу представителей данного штата в обеих палатах конгресса, то есть два «сенаторских» голоса есть всегда, а вот остальное зависит от того, сколько же в штате живет народу.

Что тут очень важно, так это правило: *«победитель получает все...»*.

Неважно, как разложились голоса избирателей внутри штата, а важно, кто выиграл штат, ибо в зачет на выборах президента идут только голоса выборщиков. Так было задумано с самого начала. Во-первых, таким образом подчеркивался суверенитет отдельных штатов, во-вторых, усиливалась легитимность избрания главы исполнительной власти всего Союза.

Результаты, получающиеся при такой системе, можно проиллюстрировать на примере выборов 1852 года. За Фрэнклина Пирса, кандидата от демократической партии, было подано 1 607 510 голосов, то есть, круглым счетом, один миллион и шестьсот тысяч.

За Уинфилда Скотта, его главного соперника и кандидата от партии вигов, было подано 1 386 942 голоса, то есть чуть меньше одного миллиона и четырехсот тысяч. Разница не так уж велика, и в процентах это видно еще нагляднее: 50,8 % за Пирса и 43,9 % за Скотта.

Но вот с отраженными в голосах выборщиков результаты получились такие: Пирс получил 254 голоса, а Скотт – всего 42. Народ высказался – если считать по победам в отдельных штатах, демократы выиграли президентские выборы 1852 года, и при этом – с огромным перевесом.

Однако в 1854 году Стивен Дуглас пробил через конгресс свой знаменитый «Акт Канзас – Небраска» – и тем вызвал такую лавину, которая поколебала все сложившиеся правила. Прежде всего, резкое обострение спора между Севером и Югом раскололо обе общенациональные партии – и демократов, и вигов, причем настолько, что виги и вовсе сошли со сцены.

Казалось бы, это должно было дать демократам огромное преимущество – но у них, увы, не было ни единого кандидата, который был бы приемлем и для Севера, и для Юга. В частности, Стивен Дуглас, завоевав симпатии сенаторов-южан, подорвал всякое к себе доверие на Севере.

В итоге кандидатом от демократов стал Джеймс Бьюкенен. Он был заслуженным дипломатом, бывшим государственным секретарем, то есть министром иностранных дел, но его главным плюсом было то, что он не имел никакого отношения к «Акту Канзас – Небраска». И по уважительной причине – он в то время был послом США в Лондоне.

Так что выбор демократов остановился на нем.

У политических противников демократической партии тоже были огромные проблемы. «Ничегонезнайки» организовались как Американская партия и в качестве кандидата выдвинули Милларда Филлмора, бывшего президента. Он был ничем не выдающимся политиком, президентский пост получил как вице-президент, просто как бы в наследство после смерти своего предшественника, и особых надежд Американской партии не внушал. Но слишком уж мало времени было у нее на подготовку, из известных людей никого другого они найти просто не успели.

У сторонников вновь образованной республиканской партии были такие же проблемы. Они наскоро подверстали к своей программе Джона Фримонта, сенатора от нового штата – Калифорнии. Политик он был никакой, но как офицер и исследователь пользовался известностью, и пресса именвала его «великим следопытом». Опять-таки, за неимением других людей с именем, известным общенационально, подошел и он. Более серьезное обсуждение вызвала кандидатура вице-президента – тут были споры. В числе прочих выдвигали и Авраама Линкольна. Он, правда, проиграл номинацию, но пришел к финишу вторым, и с неплохим результатом.

Это было его первым появлением на общенациональной политической арене.

II

Президентские выборы 1856 года выиграла партия демократов и ее кандидат Джеймс Бьюкенен, но никаких политических разногласий эта победа так и не притушила. Во-первых, Бьюкенен набрал всего 45 % от всех поданных голосов, а его оппоненты в сумме – почти 55 %. Было понятно, что, если бы им удалось выставить единого кандидата, победили бы они. Во-вторых, поскольку федеральная власть старалась держаться в стороне от линии раскола между Севером и Югом, центр политических баталий переместился на места – и нигде они не кипели так жаростно, как в Канзасе.

В английской политической традиции есть высказывание: *«ballots better than bullets...»*, что переводится как *«избирательные бюллетени лучше, чем пули...»*, но по-английски звучит получше – в этой короткой фразе имеется и созвучие, и игра слов.

Конечно, трудно оспорить положение, что лучше уж голосование, чем перестрелка, но все-таки это предполагает еще и ряд условий. Ну, например, то, что голосование отразит сегодняшнее положение дел, но завтра положение может измениться, и следующие выборы его тоже отразят. Если говорить простыми словами: и результаты голосования не окончательны, и подсчитаны они честно.

В случае Канзаса это было совершенно не так.

Еще летом 1854 года, чуть ли не сразу после принятия конгрессом «Акта Канзас – Небраска», в Массачусетсе было образовано общество помощи переселенцам – с идеей сделать Канзас штатом, свободным от рабовладения. Но рабовладельческий штат Миссури был куда ближе, и оттуда в Канзас хлынуло несколько тысяч мигрантов, которые немедленно объявили себя *«населением Канзаса...»*. Сенатор от Миссури, Дэвид Атчисон, в письме к Джефферсону Дэвису сообщал, что работа по организации поселений идет вовсю и что, по-видимому, *«придется жечь, стрелять и вешать...»*, но дело будет сделано и *«в Канзасе от проклятых аболлиционистов и духа не останется...»*.

Если учесть, что адресат его письма, Джефферсон Дэвис, был в то время военным министром США, то понятно, что вмешательства федеральной власти в *«дело очистки Канзаса...»* сенатор Атчисон не опасался.

Осенью 1854 года были проведены выборы, в которых теоретически могло участвовать не больше трех тысяч человек. Две трети из них были из Миссури, то есть большинство, по-видимому, принадлежало сторонникам рабовладения, – но чтобы сделать дело наверняка, результаты голосования подправили. Как показало расследование, сделанное позднее комиссией конгресса, по крайней мере 1700 избирательных бюллетеней были выданы на несуществующих избирателей и вброшены в урны целевым образом, с *«нужными делу...»* пометками.

В Канзасе имелся временный губернатор, назначенный туда из Вашингтона. Его полномочия должны были закончиться сразу после введения самоуправления, и он в принципе вполне благожелательно относился к поселенцам из Миссури – но от их методов проведения голосования он пришел в ужас и назначил перевыборы в тех избирательных участках, где нару-

шения были особенно вопиющими. Там победили сторонники свободного земледелия, но уже сложившееся законодательное собрание Канзаса отказалось считаться с новыми депутатами. В итоге губернатор был смещен за *«вмешательство в законный процесс выборов в Канзасе...»* и заменен новым. Тем временем собрание приняло закон, согласно которому за призыв к освобождению рабов полагалась смертная казнь.

Но в северной части Канзаса переселенцы из свободных штатов, вроде Иллинойса, составляли уже значительное большинство. К январю 1856 года в Канзасе было не одно, а два законодательных собрания.

Друг друга они не признавали.

III

В штатах пограничья сложился обычай – на случай какой-то необходимости в проведении закона в жизнь на местах собирались отряды добровольцев, которые под предводительством шерифа или кого-то из его помощников мчались вдогонку за конокрадами или устраивали облаву на убийцу, бежавшего с места преступления, ну и так далее. Такие отряды назывались *«posse»* и обычно насчитывали не больше дюжины охотников поразмять кости буйной скачкой на вольном воздухе.

21 мая 1856 года судья Сэмюэл Лекомпт издал ордер об аресте членов того законодательного собрания Канзаса, которое было против рабства и за свободные земли. Заседали они в городке Лоуренс – и на исполнение судебного ордера в Лоуренс двинулись восемь сотен конных южан, и при них было пять пушек. Это была уже вторая попытка *«закрыть вопрос»* – первую предприняли еще в ноябре 1855-го, но тогда у защитников Лоуренса был численный перевес плюс присланная им откуда-то гаубица. В этот раз шансы были неравны, и город сдали без боя.

Решение оказалось правильным – в Лоуренсе разнесли все лавки и те частные дома, что побогаче, сожгли сначала городской отель, а потом и особняк главы законодательной ассамблеи – но все-таки никого не повесили.

В Вашингтоне тем временем шли дебаты. Палату представителей в конгрессе контролировали противники рабовладения – в северных штатах жило куда больше народу, чем в южных, а палата пополнялась пропорционально населению. Зато в сенате у южан был перевес, потому что все сенаторы 15 штатов Юга стояли за своих, а среди сенаторов от штатов Севера было немало людей, готовых на все, лишь бы сохранить Союз. И оказалось, что сделать что бы то ни было законодательным путем невозможно: одна палата конгресса блокировала другую.

Разгром Лоуренса привел к тому, что в сенате была произнесена громовая речь. Ею разразился сенатор от Массачусетса Чарльз Самнер и в ярости против *«мерзавцев и подонков, разгромивших Лоуренс...»* пошел так далеко, что его пожарили даже полностью сочувствующие ему газеты штатов Севера. В частности, он поговорил об *«изнасиловании девственницы разбойниками...»* – имелась в виду девственная почва Канзаса – и обвинил в участии в погроме сенатора от Южной Каролины Эндрю Батлера.

Вообще-то, в таких случаях полагалась дуэль, но Батлер решил, что такая низшая форма жизни, как Чарльз Самнер, не заслуживает вызова, тем более что он наверняка от поединка откажется, так что он махнул на это дело рукой. Но у сенатора Батлера был кузен, по имени Престон Брукс, член палаты представителей от Южной Каролины. И он пришел к выводу, что если сенатор Самнер не заслуживает пули, то уж палки он заслуживает безусловно.

Спустя пару дней Брукс зашел в зал заседаний сената, обнаружил Самнера, сидящего там за письменным столом, и ударил его по голове своей тростью с золотым набалдашником. Он бил его до тех пор, пока тот не потерял сознание, а когда его попытались остановить, коллега

Брукса, Лоуренс Кейт, вытащил пистолет и пригрозил пристрелить первого, кто посмеет вмешаться в *«осуществление справедливого наказания...»*.

Дело, конечно, было экстраординарным.

И Брукс, и Кейт немедленно подали в отставку – но на Юге их считали героями. Искалеченный, залитый кровью Самнер был доставлен в госпиталь. Мученик, он стал символом борьбы против *«гноусного рабовладения в залитом кровью Канзасе...»*. Канзас, залитый кровью, уже через пару дней после нападения на Чарльза Самнера из фигуры речи превратился в реальность. Некий канзасский аболиционист, по имени Джон Браун, глубоко верил в библейскую формулу «зуб за зуб и око за око». Он пришел к выводу, что беззакония, учиненные в Лоуренсе, требуют мщения, и в силу каких-то сложных вычислений решил, что ему необходимо убить пять поселенцев-южан. Что он неукоснительно и исполнил, зарубив несчастных в их домах, без всякого разбирательства их виновности или невиновности. Канзас был велик и населен очень редко, там было где спрятаться. Поймать Джона Брауна не удалось, он скрылся. Мы о нем еще услышим.

В общем-то, всем было понятно, что надо что-то делать, такая необъявленная гражданская война между Югом и Севером не могла идти бесконечно. Новый шанс уладить проблему появился в начале 1857 года.

Администрация президента Джеймса Бьюкенена вступила в свои права.

IV

Джон Гири был человек впечатляющий – ростом в два метра, весом в 120 килограммов и полный огромной силы и полного бесстрашия. В свои 36 лет он что только не делал – например, поучаствовал в войне с Мексикой в чине подполковника, был там несколько раз ранен и покрыл себя славой как офицер решительный и энергичный. Был он и мэром Сан-Франциско – и навел в этом бурно развивающемся городе некий порядок, пусть и далекий от цивилизованного Бостона, но все же вполне приемлемый.

Короче говоря, когда летом 1856 года президент Пирс предложил ему пост временного губернатора Канзаса с самыми широкими полномочиями, он это назначение принял.

Президент Бьюкенен назначение оставил в силе – у него были на то свои соображения. В Канзасе надо было навести порядок, Джон Гири выглядел правильным человеком – и к тому же он был расположен к южанам. А Бьюкенен, если считать поданные за него голоса не по штатам, а по населению, на Севере набрал где-то сорок с небольшим процентов голосов, а на Юге – больше 50 %.

В общем, губернатор Гири появился в Канзасе с 13 сотнями солдат федеральной армии и с душой, полной симпатий к делу Юга. Все местные милиции были распущены, все «posse» были запрещены, и новые выборы в законодательное собрание были назначены на июнь 1857 года.

Все, казалось бы, шло к умиротворению, но мало провозгласить честные выборы – их надо еще и провести. Кто, например, имеет законное право на выдвижение своей кандидатуры? Кто имеет право голосовать? И то и другое решалось местными шерифами, которые все как один были назначены в период полного преобладания южан в ассамблее Канзаса.

Дела они решали так, что губернатор пришел в ужас и попытался остановить весь процесс, как явно нечестный. Законодатели легко набрали необходимые две трети голосов для того, чтобы отменить приказ исполнительной власти – и 4 марта 1857 Джон Гири подал в отставку. Очень вовремя – его могли убить.

Его сменил друг президента Бьюкенена, Роберт Уокер.

Выборы прошли, как их и планировали, – по правилам регистрации, «подкрученным» в пользу одной стороны. Южане выиграли все места в законодательной ассамблее, хотя за них

голосовало меньше четверти населения. Законы они принимали соответствующие, а на предложение губернатора провести референдум ответили отказом.

Уокер пытался настаивать – но его не поддержал его друг-президент. Сенаторы Юга грозили ему расколом Союза, и он сдался под их напором. Референдум был отменен. А дополнительные выборы, которые Уокер клятвенно пообещал сделать честными, дали поистине удивительные результаты. В одном из избирательных округов, где имелось всего 130 законных избирателей, было подано 2900 голосов, и все, как один, – за рабовладение. В другом округе обнаружили солидный блок из 1600 голосов людей, в Канзасе и не бывавших, – их имена списали с адресного указателя города Цинциннати штата Огайо.

В начале ноября в городе Лекомптоне уже и конституцию подготовили, которая была в полной гармонии с уложениями штатов Юга. Ее предполагалось вынести на референдум. Губернатор Уокер к этому времени оказался скомпрометирован с обеих сторон – южане считали его предателем, выступившим против своих, а северяне – лгуном и лицемером, не выполняющим своих обязательств. Он был вынужден уйти – четвертый губернатор Канзаса за три года.

Референдум состоялся 21 декабря 1857 года. Его бойкотировали все «фри-сойлеры», то есть сторонники свободного фермерского земледелия, – они решили провести свой референдум и обещали сделать его честным. К началу февраля 1858 года на руках у конгресса оказались два референдума, каждый из которых исключал результаты другого.

Президент Бьюкенен выбрал тот, который устраивал южан, и обратился к конгрессу с просьбой рассмотреть ходатайство Канзаса о присоединении к Союзу. Он должен был стать 16-м в ряду рабовладельческих штатов США. И тут совершенно неожиданно выступил вперед сенатор Стивен Дуглас, автор «Акта Канзас – Небраска», из-за которого вся каша и заварилась, и сказал, что принятие рабовладельческого Канзаса в Союз Штатов Америки произойдет только через его труп. Ибо он *«...верит в право народа на честные выборы...»*.

Дом, разделившийся сам в себе...

I

Стивен Дуглас, как уже и говорилось, был человеком умным и нацеленным на успех. Если уж он заявлял о бестрепетной готовности *«умереть за правое дело...»*, можно было не сомневаться, что вот умирать-то он как раз и не собирается, а собирается бороться за что-нибудь, что ему очень желательно. Так вот, в 1854 году он был готов умереть за *«право граждан самостоятельно организовывать подходящую им форму правления...»*. Еще бы – он готовился к президентской кампании и нуждался в поддержке Юга. А в 1858 году подошел срок выборов, в том числе и выборов на пост сенатора от штата Иллинойс. А поскольку в конфликте вокруг Канзаса штат Иллинойс встал на сторону Севера, надо было срочно менять программу. И сенатор Стивен Дуглас ее и поменял, но теперь ему следовало убедить избирателей в том, что он, собственно, ничего не менял, а всегда, твердо и неуклонно, оставался на их стороне. К августу 1858 года он уже знал, кто будет его противником.

Республиканская партия в Иллинойсе определилась со своим кандидатом – им стал Авраам Линкольн. Сенатор Дуглас не отмахнулся от такого соперника – они были давно и хорошо знакомы. Линкольн не мог похвастаться победами на полях политических сражений, он всего один раз прорвался в конгресс США, никогда не избирался в сенат и ни разу в жизни не занимал никакой государственной должности, кроме почтмейстерской, – но как кандидат был силен.

Это признавалось даже его оппонентами. Линкольн был умен, и к нему было трудно прицепиться – он говорил просто, понятно и на языке, который доходил до избирателей. Так вот, в июне 1858 года Линкольн на одном из политических митингов произнес речь, наделавшую в Иллинойсе много шума, потому что это была сенсация.

В своей речи Линкольн привел пример постройки дома – дело, всякому фермеру Иллинойса известное до мелочей. Как правило, это было слишком хлопотно для одного человека, обычно тут собиралась артель. Сперва плотниками изготавливались стропила, потом их дружно поднимали в воздух, устнавливали как надо – и каркас дома оказывался готов.

А уж дальше можно было начинать *«работу по заполнению пустот...»* – настилать крышу, сооружать стены и так далее. Главное – каркас и опоры.

И вот Линкольн сообщил своим слушателям, что события в США разворачиваются так: сначала принимается «Акт Канзас – Небраска». И оказалось, что территория, которая никогда не предназначалась для распространения рабства, теперь для него открыта, хотя, конечно, это не признается открыто. Согласно «Акту Канзас – Небраска»:

«...Истинным намерением и назначением этого акта является не узаконивание или запрещение рабства на территориях и штатах, а только закрепление полного и свободного права их жителей формировать и управлять внутренними учреждениями так, как они посчитают нужным, опираясь исключительно на Конституцию Соединенных Штатов...»

Как с этим спорить? Ведь тут, стараниями сенатора Дугласа, в дело вступил *«известный аргумент поселенческого суверенитета, иначе называемого священным правом самоуправления...»*.

Оказывается, рабство можно узаконить? Почему? Потому, что такова воля большинства избирателей данного штата, и оспорить это нельзя. Если один человек решит обратиться другого человека в раба, то с этим нельзя спорить ни тому, кого поработили, ни тому, кто хотел

бы вмешаться? Является ли такого рода решение окончательным? Может ли законодательная ассамблея отменить такое решение?

И тут Линкольн перешел к разбору дела Дредда Скотта, дошедшего до Верховного суда США.

II

Суть дела – если говорить вкратце – лучше всех как раз сам Линкольн в своей речи и изложил:

«...Пока Акт Канзас – Небраска обсуждался в конгрессе, было принято судебное решение по вопросу о свободе негра [Дредда Скотта], владелец которого по собственной воле сначала переехал в свободный штат, а затем перебрался на территорию, закрытую для рабства решением конгресса.

Раб долгое время проживал на этих территориях, и решением окружного суда Миссури ему была дарована свобода...»

Так кто же теперь Дредд Скотт? Он раб или он человек свободный? Линкольн говорит своим слушателям, что, когда этот вопрос задавали Стивену Дугласу, тот ответил: *«Спросите у Верховного суда»*. И Верховный суд принял решение, согласно которому статус Дредда Скотта остался таким, каким он и был изначально, поскольку он не был освобожден своим владельцем, а ссылается только на тот факт, что он проживает на территории свободного штата. И тогда получается, что легислатура одного штата может принять решение о введении рабовладения на территории, к которой относится ее юрисдикция, – но легислатура другого штата НЕ может принять решение о запрете рабовладения на своей территории? Получается, что в этом случае *«священное право поселенцев на самоуправление...»* можно проигнорировать?

И дальше Линкольн с точностью хорошего юриста расписывает по пунктам сложившееся положение дел.

Во-первых, никакой чернокожий раб не может стать гражданином любого штата: так полагает Верховный суд[1]. Во-вторых, никакой законодательный орган не может запретить рабство на любой территории Соединенных Штатов. В-третьих, суды Соединенных Штатов не будут решать вопросы о свободе негра, проживавшего с владельцем в свободном штате.

И Линкольн делает вывод, что все происходящее есть согласованная попытка узаконить рабовладение по всей территории Соединенных Штатов, и сравнивает отдельные и вроде бы несогласованные действия разных людей как звенья одной цепи – они возводят стропила дома, которые потом останется только соединить вместе:

«...Мы не можем точно утверждать, что все эти действия – результат предварительной договоренности. Но когда мы видим много разных досок, которые, как мы знаем, были распилены из деревьев разных пород, изготовлены в разных местах и разными рабочими... – и вот, когда мы видим, что из этих досок получаются ровные стены, доски идеально подходят друг к другу, все шипы и пазы совпадают, соблюдены все размеры и пропорции, когда каждая доска встает на свое место без какой-либо подготовки или эти доски взаимозаменяемы, – то нам трудно поверить, что [строители] не понимали друг друга с самого начала и не работали по общему плану еще до того, как был забит первый гвоздь...»

Речь Линкольна была хорошо построена. Идея ее не ограничивалась аллюзиями о стропилах, воздвигаемых строителями дома рабства. Линкольн начал свое выступление словами, которые он позаимствовал из Нового Завета[2]: *«И всякий дом, разделившийся сам в себе, не устоит»*.

Понятно было, что оратор говорил не только о принципах плотницкого дела, но о юридической системе страны. Она была безнадежно разъединена, разъединена в принципе. Соеди-

ненные Штаты не могут постоянно совмещать несовместимое – и существование рабства, и систему свободных штатов.

Придется выбирать – или то, или другое.

III

Стивен Дуглас начал свою избирательную кампанию в Иллинойсе самым впечатляющим образом – на личном поезде и в сопровождении огромного антуража. Повсюду вместе с ним появлялась его новая супруга – Стивен Дуглас овдовел в 1853 году, но в 1856-м женился еще раз, и снова на юной красавице из хорошей семьи с Юга и с хорошими деньгами.

Красавица, следящая обожающим взором за выступлениями своего мужа – великого человека, великого оратора и крупнейшего государственного деятеля, – прекрасно дополняла общий облик сенатора Дугласа. Делалось совершенно понятно, что он борется за свое место в сенате только потому, что так положено суровыми правилами демократии, а вообще-то, оно бесспорно принадлежит ему. И конечно же, сенатор Дуглас сразу же перешел в наступление.

Обвинение в том, что он участвовал в согласованных действиях по внедрению рабовладения, он отверг с порога. Он заявил, что нелепо подозревать в заговоре против свободных штатов и его, и президента Бьюкенена, одобрявшего рабовладельческие установления в Канзасе, и большинство судей Верховного суда, вынесших постановление по делу Дредда Скотта, – все это чепуха и пустые домыслы.

Надо сказать, что вот как раз в этом пункте он аудиторию не убедил.

Было общеизвестно, что глава Верховного суда – южанин, глубоко преданный так называемому «южному образу жизни», и что президент Бьюкенен обязан своим избранием южным штатам и, как правило, действует в их пользу.

Но вот другой пункт нападения на Линкольна имел гораздо больший успех – Стивен Дуглас обвинил его в *«потворстве аболиционистам...»*, в желании *«уравнять белых с черными...»* и в намерении создать условия для смешения двух рас в единое целое, вплоть до дозволения их общения и сексуальных связей. Вот это имело у публики успех. Негров в Иллинойсе не любили.

В свое время в законодательной ассамблее штата даже рассматривался вопрос о том, чтобы запретить им тут селиться, и дело не сладило только потому, что проблема особой остроты не имела, негров в Иллинойсе было мало. Так что стрела попала в цель, и Линкольну пришлось оправдываться и говорить, что *«его нежелание иметь негритянку в качестве рабыни не означает его желания иметь ее в качестве жены...»*. Остроту оценили, но ущерб, что называется, был нанесен. В памяти избирателей осталось впечатление, что Линкольн ближе к аболиционистам, чем хотелось бы, – и это впечатление отразилось на результатах голосования.

Ну, оппоненты, конечно, поговорили еще. Состоялось семь публичных дебатов в разных графствах Иллинойса, где и Линкольн, и Дуглас выступали по очереди в надежде убедить своих слушателей в правоте своего дела. Конечно же, ни тот, ни другой не упустили случая ужалить противника: Дуглас сообщил аудитории, что Линкольн в свое время был владельцем преуспевающего питейного заведения и половину спиртного при этом потреблял сам. Публика посмеялась вволю и за явную неправду на оратора не сердилась.

А Линкольн сказал, что *«священный принцип народного самоуправления...»* в интерпретации Стивена Дугласа напоминает *«питательный бульон, сваренный из тени голубя, скончавшегося от недокорма...»*. Публика опять посмеялась. В политике во все времена присутствует элемент театра – так почему бы и не комедии?

Республиканская партия в Иллинойсе набрала примерно 125 тысяч голосов против примерно 120 тысяч голосов, поданных за демократическую партию, которую представлял Стивен Дуглас, но подсчет делался на основе победы в отдельных графствах. Здесь демократы побе-

дили, выиграв большинство в легислатуре штата, – а сенатора выбирала именно легислатура. Стивен Дуглас в очередной раз победил – он сохранил свое место в сенате. Линкольн в очередной раз потерпел неудачу.

Примечания

1. «Дредд Скотт» – известное дело Верховного суда Соединенных Штатов Америки. Суд постановил, что все привезенные в Америку чернокожие и их потомки не являются гражданами Соединенных Штатов, не имеют права на его получение, не имеют права обращаться в суд и не могут быть отняты у владельца без суда.

2. Евангелие от Матфея, 12, 25.

О том, что можно сделать словом

I

В начале 1859 года Авраам Линкольн, неудачливый политик, говорил своим друзьям, что нет у него ни сил, ни времени на то, чтобы ездить куда-то произносить новые речи. Кампания 1858 года окончена, и удачи она не принесла, а принесла долги, которые надо было как-то погашать. Республиканцы Иллинойса, как организация, оказались должны две с половиной тысячи долларов. Спрашивать их с мистера Джадда, председателя избирательной кампании, было бы очень нечестно – он уже внес на общее дело 1300 долларов из собственного кармана.

Линкольн пообещал внести 250 долларов, а за остальным обратился к Ньюту Бэйтмену. Мистер Бэйтмен благодаря поддержке республиканской партии выиграл пост суперинтенданта штата Иллинойс по надзору за местными школами. Так что вежливая просьба – помочь партии деньгами – в сущности, означала требование. Покрыть весь дефицит он, однако, не смог, а тем временем началась ссора между Джаддом и его соперником, Вентворфом.

В общем, все шло как обычно, в полном соответствии с поговоркой о победе, у которой много отцов, и о поражении, которое всегда сирота. Ссоры среди видных республиканцев шли косяком. Линкольн все время говорил, что борьба должна продолжаться и после его отхода от политики: *«Мы сражаемся за гражданские свободы и не можем сдаться, даже если мы проиграем не одно, а сотню сражений...»*

И все, в общем, понимали, что для сохранения партии надо мириться, проигранная кампания 1858 года – не последний бой. Вот только лидера, готового всех примирить на какой-то общей платформе, все никак не находилось...

Тем временем Стивен Дуглас тоже делал выводы из своей выигранной кампании – и, по-видимому, пришел к выводу, что ему надо укрепить свои позиции на Севере, потому что Юг он уже все равно потерял. А поскольку в 1860 году предстояла президентская избирательная кампания, он и решил устроить тур по штату Огайо и помочь на выборах тамошним демократам. Их голоса могли ему впоследствии пригодиться.

Республиканцы Огайо очень этому не обрадовались – у них не было ораторов калибра сенатора Дугласа. Они пригласили к себе в качестве гостя Авраама Линкольна. Поскольку он не был больше кандидатом ни на какой пост, он мог говорить более свободно, и предполагалось, что его речи могут уравновесить речи Дугласа. Как-никак, все помнили, что дискутировали они на равных и победа досталась Стивену Дугласу, что называется, только по очкам.

Линкольн, несмотря на все свои слова о том, что ему следует отойти от дел политических и сосредоточиться на ведении своих собственных, за сделанное ему предложение просто ухватился. Видимо, у него было ощущение, что они со Стивеном Дугласом так и не додрались.

Кампания 1858 года началась сначала, теперь уже за пределами штата Иллинойс.

II

Вся вторая половина 1859 года оказалась одной сплошной волной политических речей Авраама Линкольна, которые произносились им по всему северо-западу США. После его успеха в Огайо он оказался желанным гостем республиканцев Айовы, Индианы, Висконсина и Канзаса. Везде он говорил примерно одно и то же: всякое благосостояние в основе своей стоит на свободном труде, и всякий, у кого есть пара умелых сильных рук и желание приложить их к делу, имеет шанс добиться успеха.

Он показывал на себя и говорил, что начинал свою жизнь работником по найму: рубил лес, который шел на шпалы, и зарабатывал тогда 12 долларов в месяц.

И он добился успеха, и если это смог сделать он, то, очевидно, сделать то же самое имеет шанс каждый! Но, добавлял Линкольн, свободный труд на земле не должен конкурировать с трудом негров, которым хозяин не платит ничего. Рабовладение не может быть допущено на новые земли – это было бы и нечестно, и аморально. Ибо для рабского труда идеальный инструмент – это слепая лошадь, ходящая по кругу, лишенная и собственной воли, и всякой возможности к осознанию собственных интересов. Рабовладение – зло. И если нельзя пока что искоренить его там, где оно составляет основу социальной пирамиды, то уж допустить его распространение – грех перед Господом.

Речи Линкольна имели большой успех. Отчеты о них стали появляться в газетах. Про него стали говорить, что он превосходный человек. И что его следовало бы номинировать на высокий пост как кандидата от республиканской партии. Начали поговаривать даже о том, что из Эйба Линкольна мог бы получиться неплохой вице-президент. Поначалу идея выглядела дикой. Но успехи Линкольна, *«бесхитростного оратора из народа»*, продолжались. В Огайо вышла книжка, составленная из его речей, – она стала бестселлером.

Тем временем в среде республиканцев шли оживленные дебаты на важнейшую тему – кто из них наилучшим образом послужил бы интересам партии в 1860 году, в ходе президентской кампании. Выдвигалось несколько кандидатур. Вероятно, сильнейшим из претендентов был сенатор от штата Нью-Йорк, Уильям Сьюард, который к тому же был еще и бывшим тамошним губернатором. Оказалось, однако, что сторонники партии «ничего незнаек» и слышать о нем не хотели – как, впрочем, и он о них.

В Пенсильвании имелся свой кандидат, Саймон Кэмерон, – но он был сильно запачкан множеством сомнительных сделок и считался коррумпированным. Был губернатор Огайо – Сэлмон Чейз, однако даже его друзья признавали, что он хороший администратор, но оратор просто отвратительный. Был Эдвард Бэйтс из штата Миссури – человек умный, с твердой репутацией консервативного прагматика. Но он не был членом республиканской партии, и как-то не было похоже, что он вообще к ней примкнет, пусть и не сейчас, но хотя бы в каком-то представимом будущем...

И как-то вот так, шаг за шагом, и как бы без особых усилий со стороны Линкольна, его имя стало все чаще и чаще всплывать в качестве возможного выбора партии республиканцев. Он был одним из основателей этой партии. Он был совершенно чист с точки зрения каких бы то ни было нечистоплотных сделок. Наконец, он был оратором, собиравшим огромные толпы.

В феврале 1860 года его пригласили в Нью-Йорк, с просьбой выступить перед собранием молодых республиканцев.

III

Юрист из Иллинойса слабо представлял себе, перед какой аудиторией придется ему выступать. Он только знал, что делать это ему надо *«в старых штатах, там, на Востоке...»*, и не хотел ударить лицом в грязь. Так что Авраам Линкольн заказал себе самый лучший костюм, какой только можно было раздобыть в его краях, и выложил за фрак, пошитый в мастерской «Вудс и Хенкле», целых 100 долларов. Реальность, с которой он столкнулся в Нью-Йорке, по-видимому, его несколько удивила, потому что там в числе «молодых республиканцев» его поприветствовал Уильям Брайант, которому как раз стукнуло 65 лет.

27 февраля Линкольн в первый раз в жизни смог полюбоваться на Бродвей. Ну, и нью-оркцам тоже не терпелось полюбоваться на *«одинокую звезду Иллинойса»*, как Линкольна именovali газеты на Западе. Что подумал о Нью-Йорке Линкольн, мы не знаем, – он своим мнением на этот счет с потомством не поделился. Но вот Нью-Йорк посмотрел на провинциала с

веселым недоумением. Наряд, на создание которого Линкольн не пощадил ни трудов, ни расходов, понимающим людям показался довольно нелепым. Зал, в котором Линкольн должен был выступать, оказался забит до отказа.

Публика ожидала увидеть на подиуме нечто странное, и она не была разочарована. На возвышении появился странный человек, чрезвычайно худой и чрезвычайно высокий, с очень длинными руками и ногами, – в общем, это был далеко не тот облик, в котором ньюйоркцы представляли себе государственного деятеля. И голос у него оказался тоже нехорош – слишком высокий, даже какой-то пронзительный.

Ну а дальше оратор начал говорить – и где-то минут через десять аудитория забыла, как он одет, как он выглядит, и даже забыла, как звучит его голос. Его просто слушали. И послушать его, право же, стоило.

Шаг за шагом, с безупречной логикой, слушателям доказывалось именно то, что им хотелось услышать. Тезис Стивена Дугласа гласил, что «отцы-основатели» оставили решение вопроса о рабстве на местные законодательные ассамблеи. Нет – говорил Линкольн – это не так. Рабство не разрешалось на федеральных территориях, не включенных в тот или иной штат, и более того – покупка рабов, привезенных из Африки, была запрещена конгрессом еще в 1807 году. Аргумент сенатора Дугласа, гласящий, что федеральное правительство никогда не вмешивалось в дела, связанные с рабовладением, – чистая неправда.

Далее оратор перешел к сенсационному делу Джона Брауна – известного аболициониста, того самого, который уже отличился своей партизанской войной в Канзасе. В середине октября 1859 года он попытался захватить городок Харперс-Ферри в западной части Виргинии – там был расположен правительственный арсенал на 100 тысяч ружей. Вообще-то, Джон Браун надеялся поднять восстание рабов, но из его попытки ничего не вышло, его отряд был окружен и уничтожен, а его самого судили и приговорили к повешению.

В последнем слове он сказал, в частности, следующее:

«...Библия учит меня, что я не должен делать людям того, чего я не хочу, чтобы люди делали мне. Далее, она учит меня «помнить тех, кто в оковах, как будто бы и ты закован с ними». Я пытался действовать согласно этому учению... Я верю, что мои действия... были правильными...»

Его повесили, как и полагалось по приговору, но сам по себе мятеж Джона Брауна вызвал огромный резонанс. От аболиционистов отшатнулись даже на Севере. Перед тем как его повели на виселицу, Джон Браун сказал, что он теперь уверен – *«только кровь смоем великое преступление этой греховной страны...»* – и что он напрасно тешил себя мыслью, что отмены рабства можно достигнуть без большого кровопролития.

Но кровопролития вовсе не хотели. Никакого – ни большого, ни малого. И сенатора от штата Нью-Йорк, Сьюарда, как раз и обвиняли в том, что его бескомпромиссная политика по отношению к Югу подстрекает людей вроде Джона Брауна на безумные мятежи, которые приходится подавлять крайними мерами. Слушателям Авраама Линкольна в Нью-Йорке, естественно, хотелось узнать, что же он думает по такому острому вопросу, как вооруженный мятеж.

Линкольн от вызова не уклонился.

IV

Как ни странно, говоря о Джоне Брауне, Линкольн обратился не к своим слушателям, а как бы к южанам. Он сказал, что партия республиканцев и не думает вмешиваться в отношения между рабами и рабовладельцами на Юге. Он заверил их, что в случае любых восстаний федеральное правительство встанет на сторону защиты закона и порядка и что согласно Конституции федеральное правительство не имеет права освободить рабов. Но он, Линкольн,

протестует против заявлений сенаторов Юга об их намерении выйти из Союза в случае, если президентом будет избран республиканец.

«...В этом случае, говорят они, вы разрушите Союз, и вина за это огромное преступление падет на вас. Интересная логика. Грабитель приставляет вам к голове пистолет и говорит, чтобы вы делали то, что он велит. «А иначе я стреляю, и на тебя падет вина в совершенном убийстве...»

Затем Линкольн обратился уже непосредственно к своей аудитории:

«...Даже перед лицом провокаций мы не должны действовать импульсивно, под влиянием страстей. Даже если южане не будут нас слушать, мы должны трезво взвесить их требования и подчиниться им, если мы после серьезного обсуждения решим, что мы можем сделать это, не нарушая долга...»

Удовлетворит ли это южан? Тут есть проблема, говорит Линкольн:

«...Мы знаем по опыту, что мы убедим их в нашем нежелании вмешиваться в их дела только тогда, когда мы перестанем говорить, что рабство – это плохо, а станем говорить, что рабство – это хорошо. И это должно быть доказано не только словами, но и действиями. Мы должны изменить все наши взгляды, а иначе они не поверят, что все их беды идут не от нас...».

Так что же остается делать? Да ничего особенного – надо просто выполнять свой долг и делать правое дело, бесстрашно и эффективно, и не дать рабовладению распространиться на федеральные земли, а уж кстати и еще одно – не следует позволять Югу навязывать свободным штатам правила, которые устраивают Юг. Свою речь Линкольн закончил словами: *«...сохраним же веру в то, что правота дает силу, и с этой верой осмелимся выполнить наш долг, так, как мы понимаем его...»*

Все полторы тысячи человек, собравшиеся в зале «Купер Юнион» в Нью-Йорке, встали в едином порыве. Зал взорвался аплодисментами.

Номинация

I

Делегаты съезда республиканцев Иллинойса собрались 9 мая 1860 года в огромном шатре, наскоро приделанном к более прочной конструкции, а именно к двухэтажному зданию. Все вместе это называлось «Вигвам». Разместить иначе великое множество собравшихся оказалось невозможно – одних только делегатов набралось шесть сотен человек. Впрочем, по поводу толкотни никто особо не возражал. По случаю такого события можно было и выпить, и в толпе хватало народа, уже хвативших стаканчик-другой. Ричард Оглсби, трижды избиравшийся на пост губернатора Иллинойса, сообщил собравшимся, что прибыл некий подарок, – и в «Вигвам» торжественно внесли две шпалы и плакат с надписью: «ABRAHAM LINCOLN, THE RAIL CANDIDATE FOR PRESIDENT IN 1860».

Надпись вроде бы простая, но ее не так-то легко перевести.

В принципе она означает вполне понятную фразу: «Авраам Линкольн, кандидат в президенты, 1860», но перед словом «кандидат» зачем-то добавлено слово «RAIL» – «рэйл», что в данном контексте означает не «рельс», а «шпалу».

Надо еще добавить, что пониже, текстом помельче, было написано, что шпалы взяты из набора в 3000 единиц, поставленного железной дороге по контракту двумя лесорубами, Джоном Хэнксом и Эйбом Линкольном в 1830 году. И тогда все вместе складывалось в некую шутку – кандидатуру Эйба Линкольна как бы выставляли шпалы, которые он когда-то нарубил вместе с родственником своей матери, Джоном Хэнксом. Кстати, он сам как раз эти две шпалы на съезд и доставил.

Ну, понятное дело, разразилось ликование, обычное для такого рода событий. В самом деле, ну как не ликовать, когда на политическом съезде главному лицу преподносят приятный сюрприз и памятный подарок?

От Линкольна потребовали речь.

И он сказал все, что в таких случаях полагается говорить – нет, он не может поручиться за то, что это те самые шпалы, но да, в свое время он действительно делал их в больших количествах, и они выглядели точно так же. Речь, собственно, была не про шпалы. Сам факт ее произнесения означал, что все решено и все согласовано – республиканцы Иллинойса решили, что на президентских выборах их кандидатом будет Авраам Линкольн.

Ну, выбор был вовсе не очевидным. В Иллинойсе хватало честолюбивых людей, и среди них были видные политики. Тот же Оглсби, например. Рассматривались кандидатуры бывших сенаторов-вигов от Иллинойса, примкнувших теперь к республиканцам. Думали по поводу мэра Чикаго – город сейчас насчитывал уже 112 тысяч жителей, которые за своего мэра проголосовали бы все, как один. Это не помогло бы его шансам на президентских выборах, но дало бы определенные плюсы для партии в местных делах.

Но нет, ничего из этого не вышло. Тур по восточным штатам дал Линкольну изрядную известность на национальном уровне, он считался лучшим оратором партии. И в итоге республиканцы Иллинойса сошлись на его кандидатуре, и он принял номинацию.

Теперь во главе делегации Иллинойса ему предстояло отправиться на национальный съезд партии. Там, естественно, будут делегации и от других штатов, но важно то, что ехать делегации Иллинойса надо будет недалеко – съезд будет в Чикаго, в Иллинойсе.

Авраам Линкольн оказывается *«капитаном команды, выступающей дома...»*.

II

Национальный съезд партии республиканцев в Чикаго собрал не шесть сотен, а десять тысяч человек – все отели города были забиты до отказа. Делегации отдельных штатов были тем многочисленнее, чем больше людей они представляли, – в этом смысле съезд республиканцев имитировал конгресс. Газета «Чикаго Пресс энд Трибьюн» в редакционной статье призывала делегатов отдать свои голоса Аврааму Линкольну, ибо *«у него имеются наибольшие шансы на то, чтобы побить другого выдающегося гражданина штата Иллинойс ...»*.

Имя этого гражданина не называлось, но в виду имелся Стивен Дуглас. Его кандидатуру выдвигали на пост президента демократы[1]. Но, конечно, было вовсе не очевидно, что старым соперникам, Дугласу и Линкольну, придется скрестить оружие еще раз. Если Стивен Дуглас уже почти обеспечил себе номинацию от своей партии, то Линкольну только предстояло это сделать, и его шансы оценивались не слишком высоко. На съезде республиканцев победителю следовало набрать не менее 233 голосов, и ни единым голосом меньше. Только это заветное число гарантировало большинство, а в первом туре голосования Линкольн получил всего 102.

Наибольшее число голосов делегатов, целых 173, получил Сьюард, сенатор от штата Нью-Йорк. Дальше, однако, у него начались проблемы. Кандидат на пост губернатора Индианы, Генри Лэйн, говорил всем и каждому, что если Сьюард получит номинацию республиканцев на пост президента, то он, Генри Лэйн, может уже наперед махнуть рукой на победу в Индиане. Там считают, что сенатор Сьюард – аболиционист, разве что ненамного лучше Джона Брауна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.